

ПРАВОСЛАВНЫЙ КРУГ ЗОДИАКА

Юмористическая проза «Ахиллы»

ОГЛАВЛЕНИЕ

МАРИЯ САРАДЖИШВИЛИ

Планерка — с.2

РОМАН НИКОЛАЕВ

«Коля не мог!» — с.8

Эхо — с.11

КСЕНИЯ ВОЛЯНСКАЯ

Марья и бесы — с.15

ХАНИИЛ ДАРМС, ПОСЛУШНИК ДИВЕЕВСКИЙ

Хроники Нарнийской епархии — с.16

ИРИНА ОРЛОВА

Быт и бытие Марфы Патрикеевны — с.53

ВИКТОР СМОЛЕНСКИЙ

Комар епископа Луки — с.58

АЛЕКСЕЙ ПЛУЖНИКОВ

Великая цивилизация Мумбу-Юмбу — с.62

Ум духовный — с.64

В бронзе — с.67

ПРИХОЖАНИН (анонимный автор)

Один день из жизни Марьи Денисовны — с.69

ГЕННАДИЙ ТРАВНИКОВ

Сила молитвы — с.73

ЕЛЕНА КЛЕВЕНСКАЯ

Архетипы в ортоСМИ — с.78

АНОНИМНЫЙ АВТОР

Архетипы в ортоСМИ-2 — с.79

ИАИЛЬ САМЕЕВА

Православный круг зодиака — с.81

Типикон против Google, или Пара слов о православном серфинге — с.86

Пасхальный тур на Святую землю — с.90

Оппозиционный православный сайт «Ахилла» — с.102

МАРИЯ САРАДЖИШВИЛИ

Планерка

В редакции одного из православных журналов царил сосредоточенная тишина.

Главный редактор Отари, пятидесятилетний толстячок с лбом древнегреческого мыслителя и тщательно скрываемой биографией бывшего комсомольского вожака, вел планерку.

— ...Тина, — обратил он свой начальственный взор на одну из сотрудниц, — что там со статьей о церкви в Боржоми? Готова ли историческая справка?

Тина, медлительная старая дева, начала что-то мямлить и искать явно вчерашний день в своем ноутбуке.

— Э-э, я же просил поторопиться! Где мой кофе? — Отари стрельнул взглядом направо. Нино, студентка журфака, оперативно подвинула ему уже налитую дымящуюся чашку.

Отари принял ее не глядя и поднес ко рту, не отрывая взгляда от какого-то файла на десктопе. Поперхнулся и пустил фразу явно не для дамского деликатного обхождения.

— Я же просил Нескафе, а это что за помои?!

— Извините, батано Отари, он кончился. Я взяла Маккофе, который был в магазине.

— Турецкая гадость, — отчеканил редактор и вздохнул. — Что делать...

Отхлебнул и продолжал по списку вопросов:

— Итак, что там с интервью о. Теймураза об абортах?

— Почти готово, осталось уточнить мелкие детали, — бойко отрапортовала Нино, гася еле заметную улыбку. В нерабочей обстановке она мастерски копировала шефа и все его барские ухватки на радость остальным борзописцам.

— Не забудь подчеркнуть, что аборты — наследие проклятого коммунистического режима, абсолютно несвойственные грузинскому традиционному менталитету. А в конце подчеркни заслугу Патриарха Ильи в демографическом взрыве за последние десять лет.

— А статистику из роддомов указывать? — уточнила Нино щекотливый вопрос. — По данным рождаемость особенно растет за счет азербайджанцев, курдов и приезжих китайцев.

— Нино, — Отари разозлился. — Ты уже на третьем курсе! Сама должна понимать формат нашего издания и не задавать глупых вопросов. Это писать не надо. Обрисуй ситуацию в общем, без конкретики. В смысле, что растет число многодетных грузинских семей. Ведь и, правда, они есть... Надо подробнее освещать положительные явления.

— Так и сделаю, — закивала внештатница. Потом опять задала вопрос:

— Нам в институте говорили, что в подобных статьях надо писать о том, какие льготы они получают и о квартирном вопросе.

Отари сделал свирепое, но очень выразительное лицо. Нино тут же сообразила, что сморозила глупость. Льгот в квартирном вопросе, равно как и в других аспектах, многодетным никто не обещал.

— В следующем номере я планировал поставить письма читателей, — Отари перешел к следующему пункту. — Где материал?

— В нашей почте ничего подходящего нет, — отозвалась молчавшая до сих пор Элисо, работавшая по совместительству в нескольких журналах из желтой прессы.

— Напишите сами что-нибудь этакое, сентиментальное! Что вы как с луны свалились?! — рассвирепел Отари, нервно крутя ручку в пальцах. — Не мне вас учить! У нас же сроки.

— Про обращение баптиста было, про раскаяние вора в законе тоже. У меня уже фантазии не хватает, — явно тупила всесторонне востребованная журналистка.

— Посмотрите русские сайты! Нет, абсолютно ничего не можете без моих указаний! — потом резко повернулся к Нино: — Почему сахара не чувствуется? Сколько ложек положила?

— Две, как вы любите, — парировала студентка.

— Добавь еще. Невозможно пить, — и отодвинул от себя чашку в раздражении.

Потом снова повернулся к Тине:

— Что с вентилятором? Вы его принесли из мастерской?

— Сказали, на днях сделают.

— Абсолютно невозможно работать, — Отари достал платок и промокнул вспотевший лоб. — Вчера был на келехе¹ у одного политика. Явно переел чакапули².

Нино отправилась исполнять задание.

— Так! — Отари предпринял героическую попытку сконцентрироваться. — Готова ли подборка цитат из святых отцов?

— Готова, — отличилась на этот раз Тина.

— Хоть что-то сделано! — одобрил Отари, поглядывая на дверь в ожидании спасительного напитка.

Потом уселся поудобнее в крутящемся кресле, найдя внушительному животу новое положение. С «трудовым мозолем», как он называл эту часть своего тела, приходилось считаться.

— Чуть не забыл, — Отари вновь оживился. — Вы, Элисо, должны были подобрать фотографии для оформления номера. Прошу, чтоб не было таких позорных картин, как в прошлый раз. Мы не бульварная пресса, где чем страшнее, тем выше рейтинг. Повторяю, только здоровые и сияющие позитивом лица. Православие — это религия оптимистов.

Нино тем временем явилась с долгожданной бутылкой минералки.

Отари поблагодарил и с бульканьем осушил услужливо протянутый стакан. Потом с новыми силами приступил к генерированию тем-импровизаций:

— Вот, например, хорошая тема, которую надо раскрыть поподробней — необходимость освящения личного транспорта. Помните, у меня чуть не угнали мою новую Тойоту. Тина, у вас слишком сонный вид. Вы и возьмите на себя эту статью. Лучше оформите, как рассказ и побольше шоферского жаргона — «поворотники», «задний» и т. д.

Тина заверила начальника, что постарается оправдать доверие.

Тем временем в параллельной реальности парочка иных наблюдала за редакционной рутинной и обменивалась комментариями:

— Подбавь-ка газа «комфорт» и в два раза увеличь смесь «творчество». А то номер у них неудачный выйдет, — говорил номер первый.

— «Творчество» еще вчера весь спустили, — оправдывался номер второй и спешно нажимал на только им виденные рычаги.

— Звони на базу. Номер у них должен выйти на уровне, а то и так народ от церкви немного отхлынул. Сейчас не 90-е годы, когда вся Грузия галопом бежала. Старшой процессом недоволен. Две бригады «храмовых» вхолостую работают. Когда скученность понижается, то и людей между собой труднее сталкивать. На проценте конфликтов отражается. Церковные конфликты — штука особая. Некоторые выше бытовых убийств начальство ценит. Вот как. По показателям, например, в этом квартале разводы венчаных пар зашкаливают, а вот блуд между прихожанами ну очень низкий. Опять-таки, скученности нет.

Отари вдруг посреди заседания стал зевать и клевать носом.

Сотрудники притихли, делая друг другу выразительные знаки, означавшие «не будите зверя»...

... У иных вышла по этому поводу перебранка.

— Ты куда нажал, олух?! — возмущался первый номер.

— Я кнопки впопыхах перепутал, — оправдывался второй: «Сонливость» крутанул до максимума. Теперь его пушкой не разбудишь.

— Ведь просил я — снизу практикантов не присылать! — не унимался первый. — У нас ответственный участок — пресса, не базар какой-нибудь — покупателей обвешивать. Срочно страшный сон включай, да такой, чтоб клиент в холодном поту проснулся.

Отари увидел себя в камере среди оборванцев. Лица были разные: от звероподобных и просто угрюмых до интеллигентных и озаренных каким-то внутренним светом.

Правый глаз не открывался, к нему было больно прикоснуться — заплыл от удара.

Дверь с кормушкой за ним с лязгом закрылась.

— Эй, ты, новенький, назовись! — приказал один из обитателей камеры, судя по властной интонации, главный.

Отари, еле ворочая языком, представился.

— На воле кем был?

— Редактор православного журнала.

Собратья по несчастью переглянулись.

— Под шизу косишь? — насупился главный. — Ты не у следователя. Здесь не врут. За что сидишь?

— Н-не знаю.

— Ясно, — усмехнулся староста. — 58-я статья. А живот какой наел, профессор.

Сзади кто-то невидимый откинул кормушку и постучал связкой ключей по двери:

— Абеддд.

Зеки оживились и встали в очередь у отверстия.

Отари пристроился в конце очереди и вскоре получил порцию жутко пахнущего месива, отдаленно напоминающего рыбный суп. Попробовал есть, но его тут же стошнило с непривычки под гогот сокамерников.

Кое-как отдышался, попросил воды, но был послан по известному международному адресу с пояснением:

— Здесь, милый, не курорт Цхалтубо.

Жуткий обед тем не менее быстро исчез с алюминиевых липких мисок, перебазировавшись в желудки обитателей камеры.

К Отари неожиданно обратился один из «почтеннейшей публики».

— Эй, жирный, твоя очередь парашу выносить. Вон с тем хиликом, — и указал на худенького затравленного парнишку в темном углу.

— А почему я? — стал возникать Отари по выработанной годами начальственной привычке.

На него тут же навалилось несколько человек, с рычанием доступно объясняя местные права и обязанности. Кто-то огрел чем-то тяжелым по голове. Наступила темнота.

Отари очнулся в тюремной больничке.

Равнодушный санитар осмотрел еще неснятые швы и что-то отметил в канцелярской тетради. Проходя, буркнул:

— Завтра на выписку. С этапом на лесоповал.

Отари простонал:

— Вы не имеете права!

Но санитар шел дальше. К следующему доходяге.

Слово «лесоповал» повергло бедного редактора в такой шок, что он заплакал.

— Господи, забери меня отсюда. Это я не переживу-у-у!

И проснулся со стоном. Посмотрел безумным взглядом вокруг. И, увидев знакомые лица сотрудников, обрадовался:

— Слава тебе, Господи!

— Что случилось? — вежливо спросила Тина.

— Надо мне срочно в фитнес-клуб, — задумчиво промолвил Отари, находясь под впечатлением увиденного. — Кто его знает, как жизнь повернется. А вдруг и правда завтра политика изменится, репрессии... Я ж не переживу... — потом приосанился в кресле: — Нет, пора начинать новую жизнь. И на диету обязательно. Эти постные «Наполеоны» до добра не доведут.

Сотрудники только молча переглянулись. Шеф имел обыкновение принимать нестандартные решения. Наверно, перепил вчера кахетинского. А оно, как известно, бьет сперва в ноги, а потом в голову.

¹ Поминки

² Мясное блюдо

«Коля не мог!»

Осенью 2001 года старший пономарь екатеринбургского храма во имя Вознесения Господня Николаев Роман (которого протоиерей Василий Семенов называл исключительно по имени, данному при Крещении — Коля) решил пойти послужить своей стране в доблестных рядах Российской армии. Данное необычное решение было принято Колей не столько из любви к Родине и патриотизма, сколько из побуждений несколько иного характера. Дело в том, что Коля захотел стать настоящим мужчиной, а вышеприведенное желание объяснялось тем, что в его жизни отсутствовала настоящая женщина, ее не было не то чтобы в данный момент — ее не было вообще.

Коля понял, что подавая кадило, настоящим мужчиной не станешь, а значит, и женщины не будет. Братия отнеслась к этому решению неоднозначно. Первым попытался вправить Коле мозги главный архитектор епархии Константин Ефремов. Он поймал дурного пономаря и попытался втолковать ему, что в его 20 лет надо получать образование, работать и зарабатывать, а не заниматься романтической фигней. Архитектору легко было говорить, у него-то была женщина, а у Коли не было.

В своих меркантильных интересах воспользовался желанием Коли иерей Владислав Чернавин. Подойдя в очередной раз к настоятелю с намеками на повышение зарплаты, он сделал упор на тот факт, что поповско-дьяконско-пономарское содержание настолько скудное, что пономари из храма в армию сбегают — видимо, там сытнее кормят. В ответ на этот наезд настоятель предложил Владиславу составить Коле компанию.

К судьбе пономаря не осталась равнодушной и пара знакомых звонарей. Они предложили ему простое и щедрое решение — снять за их счет Коле проститутку, а в армию вообще не ходить. Но пономарь не хотел падшую женщину, он хотел видеть себя в камуфляже, берцах и с автоматом в руке, выпрыгивающим из бэтэра, на худой конец — из армейского «Урала». Проститутки как-то опошляли образ героического воинского служения.

Больше всех обрадовался решению Коли протоиерей Василий Семенов. Он уже предвкушал два года спокойной жизни без вредного, наглого и неуправляемого пономаря.

Коля был не совсем уж дурак и знал часть, где будет отдавать долг Родине (а заодно и собственной дурости). Часть была учебная — без дедовщины, и кормили там действительно хорошо.

Отношения с сослуживцами у теперь уже бывшего пономаря сложились хорошие. Это произошло по двум причинам — Коля имел подвешенный язык, а шутка в армии, как известно, — первое дело. Вторая причина была еще более важная — ходя в увольнение, новоиспеченный курсант Школы младших военных специалистов каждый раз наведывался в родной храм и выгребал все имевшиеся в данный момент продукты с панихидного стола, лежавшие в «поповской».

Приходя с большой сумкой продуктов в свой взвод, Коля, естественно, не мог не снискать любовь сослуживцев. В очередной раз будучи в увольнении, он, набив сумку столь близкими армейскому сердцу конфетами, печеньем и сгущенкой, не смог удержаться и не согрешить.

Грех Колин был давний, еще периода пономарской молодости — он любил нарушать восьмую заповедь. Вообще-то по натуре своей к воровству он склонен не был и совершал этот грех из спортивного интереса и крайне избирательно. Избирательность заключалась в следующем — Коля любил воровать продукты из личного запаса протоиерея Василия Семенова. Причем делал это не из вредности, а скорее по педагогическим соображениям, полагая, что дедушка Василий ведет малоподвижный образ жизни, и лишние калории могут принести ему только вред.

Итак, в этот раз к трофеям курсанта, которые оказались в его сумке без нарушения вышеупомянутой заповеди, а только по доброй воле друзей из числа духовенства, добавилась банка дорогих консервов, подаренная отцу Василию его прихожанками-фанатками и сейчас нагло украденная бывшим пономарем.

После достаточно удачной охоты курсант-бывший пономарь отправился в свою часть, где и пребывал в счастливом неведении о событиях, последовавших после его преступления.

А события развивались стремительно. Придя со службы, отец Василий тут же заметил пропажу. Пока вор тусовался в уже потихоньку становившейся ему родной казарме, духовенство храма Вознесения было поднято по боевой тревоге, такой, которой Коля не мог представить даже в рядах Вооруженных сил. Тревогу поднял протоиерей Василий. Из кабинета был вызван даже

настоятель — к нему первым делом и обратился потерпевший. Схватив шефа за руку, отец Василий устроил с настоятелем следующий диалог:

— Отец, отец! Беда у нас! В храме-то приворывают!

— Отец Василий, что случилось-то?

— Украла ее, украла!

— Что украла-то?

— Консервов банку, щедрый дар рабы Божьей Имярек.

— Отец Василий, ну, может, не стоит убиваться из-за какой-то банки?

— Не из-за какой-то! Из-за моей!!!

— Ну, хорошо, в принципе, понятно, кто это сделал. Её стырил Роман — он все время с вами так поступает, вы уже неоднократно жаловались, что поймать подлеца с поличным не можете.

— Нет!!! КОЛЯ НЕ МОГ! Он, восхвалим, кстати, отцы, еще раз милость Всевышнего, в армии сейчас, слава Богу!

— Да нет, отец Василий, я, кажется, видел его сегодня — он в форме мелькнул во время службы, как раз в комнату отдыха отцов направление держал.

— Не мог он, он же теперь военный. А у них воровать западло! (Заметим, сам отец Василий в армии ни дня не служил. Но понятия знал.)

В этот момент в собрании духовенства и мелкого церковного причта объявился иерей Владислав Чернавин, который, услышав вышеприведённый диалог, посчитал своим долгом отметить:

— Так это ему в армии воровать западло или у нас, а у вас, отец Василий, — ему не западло.

Отметим, что протоиерей Семёнов любил выносить вердикты без суда и следствия и не любил менять свою первоначальную точку зрения. В этот раз его вердикт был вынесен внештатному пономарю Лехе Кириллову. Доказательной базой послужила нелюбовь отца Василия к Алексею за надменность и отказ выполнять указания, не связанные с прямыми служебными обязанностями. Кириллов попал в опалу месяца на три.

Коля узнал об этом, лишь придя в храм во время очередного увольнения в город. Бывшего коллегу-пономаря он жалеть не стал, скорее, проявил злорадство — внешне набожного Леху он тоже не любил. Но после этого

случая свежее испеченный ефрейтор принял решение больше не промышлять разбоем в отношении обильных продуктовых запасов отца Василия. В его ушах стояла фраза обычно нелюбимого им вредного деда: «Коля не мог!»

Эхо

Посвящается Константину Владимировичу Ефремову

Вечером одного из жарких летних дней 2003 года, бывший пономарь, а теперь охранник храма во имя Вознесения Господня Роман Николаев (прозванный, как мы помним, протоиереем Василием Семеновым, Колей, по имени данному Роману при таинстве Крещения, что в свою очередь случилось по прихоти его крестной, высоко почитавшей св. Николая Чудотворца) сидел в служебном вагончике охраны, находившемся во дворе вышеупомянутого сооружения культа.

В самом храме, уже запертом напарником на ключ, находились постоянно живущий там вышеупомянутый протоиерей Василий Семенов и работавший здесь же до позднего вечера главный архитектор епархии Константин Ефремов.

Коля как раз находился в ожидании Константина. Дело в том, что оба они с недавнего времени ввели традицию пить по вечерам крепко заваренный ароматный чай, вести светскую беседу и отдыхать на свежем воздухе от трудов праведных — каждый от своих.

Несмотря на разницу в возрасте в двадцать один год, и различное служебное положение, этих двух представителей церковной сферы последние пару лет связывали хорошие товарищеские отношения.

Начались эти отношения с эпизода, когда Коля по причине хронической нехватки наличных средств еще только начинал подрабатывать в охране, а основное трудовое бремя нес на ниве пономарского служения. Пару лет назад, в одну из таких Колиных охранных смен, на улице перед храмом сработала сигнализация Лады «девятки», принадлежавшей только недавно появившемуся в жизни прихода архитектору.

Выбежавшая на вой сигнала дежурная смена охраны увидела разбитое стекло на месте водителя, а переведя взгляд чуть правее, узрела и причину внезапного «кипеша» — убегавшего в сторону парка Харитонова субъекта явно неинтеллигентной наружности, сжимавшего в руках похищенную автомагнитолу. Погоня была достаточно долгой, и вполне возможно не

увенчалась бы успехом, но виновник этого спортивного торжества, бежавший сейчас с магнитофоном под мышкой, явно имел склонность к вредным привычкам, о чем говорила выдававшая его громкая одышка — попросту, он много курил.

Вообще говоря, выбирая такое призвание, связанное с быстрым передвижением на своих двоих, лучше, конечно же, не курить. Коля тогда не предавался этой пагубной привычке, и поэтому смог догнать потихоньку замедлявшего бег мелкокриминального спринтера и даже сумел на ходу сбить его с ног. Скрутив с подбежавшим напарником похитителя частной собственности (напарник, кстати, баловался сигаретами, а потому немного отстал), преследователи убедились, что творение японской электроники в ходе потасовки не пострадало. Предмет был возвращен владельцу, а тип неинтеллигентной наружности сдан в близлежащий отдел милиции.

После этого эпизода Колю и Константина, естественно, связали теплые товарищеские отношения. Константин дал Коле в жизненном плане достаточно много — был одним из тех, кто повлиял на его выбор пойти учиться в университет, объяснял, как обходить некоторые подводные камни, встречающиеся на жизненном пути и в епархии в частности (а в епархии встречались не только камни, но и целые айсберги).

Просвещал на предмет искусства и архитектуры, да и культуры в целом. К тому же оба обладали веселым и беспокойным нравом, хотя иногда каждый из них в отдельности не был чужд впадению в черную меланхолию. Но в одной сфере, интерес к которой имели оба, Коля чувствовал свое превосходство, и даже в минуты увлечения считал главного архитектора своим учеником.

Да-да, несмотря на разницу в возрасте и положении.

Коля обладал уникальным даром — он умел подражать голосу протоиерея Василия Семенова. Как говорят музыканты: «снимал точь-в-точь». Делал это мастерски, идеально копируя все нотки и оттенки сварливого и хрипловатого тембра «дедушки Василия».

Коле нравилось это не совсем благородное дело. При этом сам себя он пытался убедить, что увлекается этой темой не из издевательского отношения к вредному протоиерею, а лишь для того, чтобы «повеселить народ».

Константин тоже любил пародировать протоиерея Семенова: получалось не так чисто, как у Коли, но с каждым разом, слушая коллегу, последний ловил себя на мысли, что архитектор делает все большие успехи.

Итак, в тот вечер Коля находился в вагончике в состоянии, как он выражался, «полного расслабона» после дневной смены, наполненной общением с бомжами, беспризорниками и неадекватными личностями обоих полов, приходивших к стенам церковным и требующих любви, каждый к своей незаурядной персоне. Всех их, как мух на мед, тянуло к храму, который в то время был ближайшим религиозным учреждением, находившимся около железнодорожного вокзала, своего рода перевалочным пунктом для вышеописанного социального элемента.

Константин задерживался со своими кульманами и эскизами, и охранник скучал. Хотя, как правило, ему по вечерам было чем заняться — обычно в этот час он предавался чтению учебников: Коля учился на заочном отделении факультета искусствоведения и культурологии Уральского университета.

К моменту описываемых событий он только что закончил первый курс, и почитал себя человеком уже глубоко образованным и разбирающимся во всех тонкостях выбранного им научного знания. Все это позволяло ему частенько задирать нос и свысока поглядывать на большую часть знакомой кутейной братии. Но в тот летний вечер заняться ему было совершенно нечем. Чайник закипал уже два раза, а Константина все не было.

Когда Коля уже собирался позвонить архитектору в кабинет по внутреннему телефону, аппарат затрезвонил сам. Взяв трубку, охранник услышал нотки знакомого капризного и сварливого голоса:

— Кхто у аппарата?

В этот момент Коля почувствовал укол ревности — ученик явно начинал подбираться к лаврам учителя. Он давно начал отмечать, что по телефону пародии Константина в отношении старого протоиерея уже почти не уступают его собственным. А занимались они такими телефонными пародийными диалогами последнее время, надо сказать, довольно частенько. Коля в очередной раз решил поддержать игру своего коллеги по эстрадной деятельности. Он произнес в трубку голосом легендарного протоиерея:

— А кхто у аппарата?

И услышал в ответ:

— Эта кхтоо?!

— А кхто эта? — продолжал бессовестный секьюрити.

— Кто, кто там? — слышал он пародию своего друга.

— А кто, кто там? — не мог уgomониться Коля.

— Кхто там хулиганит? — охранник, услышав эту фразу, вновь ощутил укол ревности: «Почти как у меня получается», — подумал он. И ответил:

— А кхто-кхто там хулиганит?!

На что вновь услышал:

— Хкто у аппарата?!!!

И ответил, еле сдерживая смех:

— А хкто у аппарата?

Ведя этот диалог, Коля сидел, закинув ноги на спинку рядом стоящего стула, держал в одной руке телефонную трубку, а второй борзо покручивал связку служебных ключей.

Еще примерно с полминуты он вел диалог с архитектором в вышеприведенном стиле, когда взгляд его переместился на открытую дверь вагончика. Вначале Коля подумал, что у него зрительная галлюцинация — по двору храма шел Константин, махал ему рукой и широко улыбался улыбкой человека, только что закончившего работу и собирающегося хорошо отдохнуть и пообщаться.

А из трубки снова слышалось:

— Кто, кто там безобразничает?!!!

«Настоящий!!!» — пронеслось в сознании Коли, не отрывающего взгляда от приближающегося к нему Константина. Коля на некоторый момент замешкался и даже издал в трубку какой-то неудобоваримый звук. На что услышал по телефону:

— Коля, это ты?!

«До свидания, малыш, я упал, а ты летишь...» — минорно прозвучала в голове Коли строчка из песни его любимой группы.

«Нет, это не я», — чуть не ответил он голосом протоиерея. А из трубки уже вновь слышалось:

— Коля, это же ты?

— Я... — признался Коля, и услышал в ответ:

— Ну слава Богу! А то я уже думал — это какое-то эхо у меня в голове, уже решил, что заболел, может быть. А это ты опять безобразничаешь! Зайди-ка ко мне, Коля...

Да, по внутренней телефонной связи говорил именно настоящий протоиерей, который, как считал Коля, уже давно должен был спать и видеть десятый сон.

Теперь уже Константин ждал Колю в вагончике, пока тот отбывал словесную экзекуцию в комнате отца Василия, подробности которой мы опустим из уважения к гордости представителя службы безопасности храма Вознесения. После этой истории Коля усвоил важный жизненный урок — расслабляться на службе нельзя даже во время отдыха, так как легко можно потерять бдительность и оказаться в незавидном положении.

КСЕНИЯ ВОЛЯНСКАЯ

Марья и бесы

Марье был сон. Идет она по лесу. Навстречу дед, что умер пять лет назад.

— Марья, — сказал дед, — там мясо дают, — и махнул рукой в лес.

Марья и дед, совсем молодой, взялись за руки. Из леса попали на площадь, красную от крови. Посередке стоит корова, от которой подходящая по одному толпа отрезает по куску в нужных местах и уносит в авоськах и дипломатах. Корова умирает, и из нее течет много крови. Марья испугалась и очнулась от сна.

Утро пело и цвело. Радио объявило Всесоюзный голод. Марья завтракать не стала и села читать поваренную книгу. Пришла дочь. Принесла фарш — должно быть, украла где-нибудь. Марья сказала:

— Я теперь мяса не ем. Сон приснился.

— Ты че, — спросила дочь, — как Гитлер, вегетарианкой заделалась?

— Я тебе дам Гитлера! — сказала Марья и выгнала дочь вместе с ее фаршем на улицу.

И тут бесы стали искушать Марью. Хотели, чтобы она раскаялась, позвала дочь обратно, взяла фарш. Хватали за ноги, щекотали, пугали из-за углов, подзуживали. Марья не знала, что надо осенить себя крестным знаменем. Она была коммунистической женщиной, строительницей будущего на пенсии. Бегала от бесов, запиралась в туалете.

Потом постучали в дверь. Пришел незнакомый мужик. В руках сковорода с антрекотом из коровы. Антрекот улыбался Марье, строил глазки.

— Я по-соседски, — сказал мужик.

— Вон! — возопила Марья и закрыла дверь.

«Климакс», — подумал мужик и пошел к себе.

Бесы не отставали от Марьи, летали в воздухе котлетками, пахли. Марья села на кухне и заплакала. Не выдержал дед, материализовался.

— Что ты, мать, — говорит, — перекрестись, они и уйдут.

И исчез в окне.

Марья от страха побежала советоваться к вождю мирового пролетариата. Глядь — а у портрета рожки на лысине и рожа дьявольская.

Марья поняла, что все, что было, кончилось, а что будет, еще не началось. Довели бесы Марью. Она умерла и попала в ад, где стала котлеткой. Черти жарили ее на сковородке, пока ангелы не вострубили.

ХАНИИЛ ДАРМС, ПОСЛУШНИК ДИВЕЕВСКИЙ

Хроники Нарнийской Епархии

1

Владыка Иперехий был назначен на кафедру, которой в прошлом управлял сам патриарх. Что обязывало. Внезапно оказалось, что у добродетельных денег нет. Отец Финеес, скорбно поглаживая борсетку с загадочными буквами «LV», уверял, что денег никаких отродясь не видывал. А немногословный отец Ферм, кивал и думал о том, как бы овладеть новенькой бухгалтершей. Владыка же мечтал задушить их обоих, щурясь на ласковое солнышко...

2

Новая бухгалтерша отца Ферма носила длинную юбку до пят и православный платок. Но её внушительный бюст сводил всё на нет. Покопавшись в

соцсетях, ушлый добродетельный обрёл её аккаунт, и теперь водил курсором по пляжным фотографиям соблазнительной Василисы.

— Влагалище неветшающее! — бормотал он, дивясь красоте творения Божия.

3

Владыка Иперехий, познав тщету прямых призывов маститых митрофорных к достойным выплатам на содержание епархии, пускался на разные хитрости.

— А вот, скажите, отец Таврион, — начинал владыка издали, — Ваш Strange Rover намного ли резвее, чем Toyota Mudra отца Финееса?

В ответ отцы начинали степенно рассказывать, кто о чём давеча болтал со Святейшим по телефону, и как они все вместе парились в бане. И владыка, устыдившись, менял тему разговора.

4

У отца Финееса не было денег. Их у него всё время отнимали. То матушка разобьёт свой внедорожник, то у сына устареет компьютерная мышь. А то в Варловых Карах взвинтят безбожно цены. А тут ещё приставучий диакон: дай да дай зарплату. А где ж её взять, окаянную?

5

Диакон Савел был очень противным человеком. Он никак не мог взять в толк, что не в деньгах счастье, и досаждал настоятелю. В конце концов, отец Финеес потерял всякое терпение и напомнил гадкому диакону, что апостол Павел не обременял Церковь Божию, но делал палатки и тем жил.

— Иди, отец дорогой, работай. Патриарх благословил духовным лицам подрабатывать на мирских должностях.

Позднее отец Финеес рассказывал за братской трапезой другим добродетельным, как он обвел своего диакона вокруг пальца. Отцы весело смеялись и дивились мудрости собрата.

6

Отец Ливерий был очень прозорлив. Из-за этого к нему часто являлись святые с ангелами, чтоб спросить совета или передать от Бога поклон. Отец Ливерий не желал держать светильник под спудом, и делился с лежащим во тьме миром:

— Сижу я как-то на диване, и тут мне видение...

Наместник же вздымал удивлённо брови, а затем благословил не пускать больше отца Ливерия в Лавру служить. Завидовал, наверное.

7

Злые люди отца Ливерия не почитали, а хорошие — очень даже. Потому он любил ездить с духовными дочерьми к отцу Ферму в гости — выпить сикеры и попариться в баньке. Попадья отца Ферма как-то робко заметила, что не к лицу архимандриту быть в трусах в бане при молоденьких монахинях, облачённых в одни купальники. Отец Ливерий вовсе не обиделся, но даже погладил её по голове и ласково ответил:

— Ты что, мать? Они же как дети!

И матушка устыдилась своего худого ока.

8

Владыка Иперехий очень хотел патриаршей милости, а потому воздвиг свою собственную семинарию на основе духовного училища г. Беруны. Чтоб как у людей. Но умные пономари норовили поступить в престижную Чеширскую семинарию. А глупых и болящих приходилось иногда отчислять. Наступал дефицит семинаристов. Тогда владыка начинал ругаться на настоятелей, а те посылали в семинарию ещё больше болящих, надеясь, что в качестве попов они придут в какие-то другие приходы.

9

Отец Пигасий любил Этруссию и очень хотел её спасти. Для этого он не любил жирдяев и понаехавших с Тельмара попов. Жирдяев он был готов бить, дабы спасти Этруссию, но те весьма благоразумно избегали встреч. А с тельмарскими попами он был учтив, и всегда пожимал им руки и целовал бороды, хотя внутри кипел от возмущения, что у них были самые хлебные приходы. Зато сикеру он пил всегда только этрусскую.

10

Отец Пигасий отстоял за престолом ажно цельных пять лет, и был умудрён духовно. Оттого все пономари у него ходили в духовных чадах. И все как один тоже любили Этруссию, а жирдяев недолюбливали. И очень радовались, когда батюшка не благословлял им читать жирдяйских писателей и поэтов даже из школьной программы. Отец Пигасий смотрел на алтарников и умилялся. А Парис Бостернак, Семён Юлианов и Кениямин Аверин скрежетали зубами во гробех. От злости, не иначе.

11

Владыка Иперехий был очень чувствительным человеком. Стоило ему за трапезой перебрать спиртного, как его пробиравало на слёзы.

— Представляешь, отец Соссий, — рыдал епископ, — враги что удумали? Они ведь мужской детородный орган хером назвали! Это какая сила вражия!

А отец Соссий печально качал головой и подливал владыке ещё вина.

12

Однажды отца Соссия остановил на улице какой-то пьяный мужик, и, тыча грязной пятернёй в маковки храма, спросил:

— Что за фигню вы тут построили?

Оскорбел отец Соссий, не такой благодарности он ждал от местной пьяни, и отвечив, заикаясь от обиды:

— Эта фигня держит всю вашу херню!

И гордо удалился, оставив онемевшего пропойцу осмыслять неудобовразумительную для нетрезвого мозга высокую философию.

13

Отец Феликс был очень строгим батюшкой. Чуть что не так — сразу в крик:

— Окаянные! Еретики! Колдуны! Болящие!

Тёмная паства жаждала слова просвещения, но так и не дождалась, ибо, то и дело, вводила отца Феликса в гнев. Отчаявшись, люди пошли к ласковым тельмарским попам, а отец Феликс пил горькую и сокрушался, недоумевая, почему у хитрых тельмарцев дома выше и автомобили мощнее.

14

Отец Пигасий был большой знаток нравственного богословия, и часто говаривал своему духовному чаду, что блудить с женщиной гораздо более естественно, чем рукоблудствовать. А неженатое духовное чадо, болевшее простатитом, очень из-за этого мучила совесть. Блудить он не хотел, а мастурбировать приходилось, хоть и со страхом.

15

Отец Маммий со своей попадьёй ни разу не спал. Матушка Асклиада думала, что он большой подвижник, и гордилась своим батюшкой. Прихожане же переживали, что отец Маммий бездетный, но тайный подвиг девства очень

уважали. А отец Маммий уважал пономарей, и всё своё свободное время проводил с ними, вникая в проблемы их физиологического созревания и неудачных влюблённостей, уча их, что женский пол от природы нечист.

16

Отец Маммий терпеть не мог, когда отец Пигасий называл его содомитом.

— Пьяницы, между прочим, тоже Царствия Божия не наследуют, — парировал он.

Возразить ему было нечего, и отец Пигасий всякий раз делал вид, что не расслышал, и подливал отцу Маммию ещё водочки.

17

Отец Соссий любил, когда его уважают. А попадья его уважать не хотела. И вовсе даже всячески старалась его обесславить на всю епархию. Но её слабых сил хватало только на один город. Вот так ходила она по всем православным христианкам, пила с ними чай и просвещала душеспасительными беседами о том, кто из попов с кем спит, какой ориентации был позапрошлый архиерей, и каков её батюшка пройдоха и плут.

18

У отца Соссия был в родственниках один прескверный поп. Он был слишком уж образованный и почему-то малогрешный. Служил усердно, чтит Устав, деньги с прихода не тырил, попадье не изменял, и вообще был больно умным. Всё это весьма уязвляло отца Соссия, и он на отца Зиновия держал обиду.

— Посмотрим, посмотрим, какой ты будешь праведный завтра, — улыбался во сне отец Соссий.

19

Отец Крисп не был ни содомитом, ни пьяницей, ни вором. Он даже почти совсем не осквернял свои уста матом, дисциплину не нарушал и часто был адекватен. Этими достижениями он зело гордился, и не любил добродетельных, которые хапали деньги и плевали на других попов. Частенько отец Крисп мечтал, что когда-нибудь сам станет добродетельным и будет не хапать, а брать в меру.

20

Рабу Божию Парамону было скучно в чине чтеца. Потому он всячески развлекал себя и окружающих тем, что озвучивал любую фигню, которая приходила ему в голову. Самые стойкие потешались. Остальные испытывали разрыв православного шаблона, когда слышали от Парамона, что его бесят херувимский ладан, чётки и даже земелька с могилы старцев.

— Свят, свят, свят! — говорили они испуганно, и мелко крестились.

21

Иулитта и её юная дочь Анфуса были истинно православными. Потому что даже в летний зной неприкрытыми одеждой у них оставались лишь кисти рук и овалы угрюмых лиц. Ещё они никогда не ездили ни в каком транспорте, ибо там был грех. В храм ходили пешком через мост за девять километров от дома. А когда четырнадцатилетняя Анфуса зачала дитя во чреве, они с мамой решили, что обязательно назовут его в честь их любимого преподобного.

22

Феозва познала истину Православия в 52 года, и стала настоящей невестой Христовой. А поскольку в своей жизни она пресытилась блудным грехом, то строго блюла, чтоб никто не последовал её стопам. И всегда ругала клирошанок за голые лодыжки.

— Бесстыдницы! Побойтесь Бога! — взывала она.

Девушки смущались и не знали, что отвечать. А Феозва слёзно молилась за каждую из них, ибо так было правильно.

23

Одна благочестивая семья имела страх Божий, и регулярно причащалась, соблюдая все посты. У них царили любовь и понимание, кому на зависть, а кому на удивление. Правда, отношения были несколько запутанными – у главы семьи был ребёнок от юной падчерицы. То ли сын, то ли внук. Прихожане даже гордились тем, что в других храмах о таком даже не слыхивали. А попы поглядывали на падчерицу и думали каждый о своём.

24

Отец Крисп однажды узнал на исповеди от одной бабушки, что в молодости, когда поблизости не было мужика, она мазала себе между ног сметанкой и давала овечкелизать. Доселе отец Крисп видел овечек лишь в умилительных кинолентах и мультиках. В тот момент невинный образ овечки

совершенно разрушился, что потрясло батюшку почти так же сильно, как в детстве, когда он узнал, что Деда Амброза не существует.

25

Отец Евод был прозорливцем. От остальных попов его отличали загадочный вид и некоторая неряшливость, прямо свидетельствующая, что суета мира не печалит пастыря. Мирянам он говорил такие туманные вещи, что ему позавидовал бы и Эльфийский Оракул. На самом деле он просто нёс всякую хрень. Но людям нравилось, и они умели толковать хрень в удобном для каждого из них ключе.

26

Владыка Иперехий любил благолепие. Поэтому он издал указ, чтоб попы ходили в рясах всегда и везде. Даже, когда копали картошку или выбрасывали мусор. За послушание им грозил запрет. Подозревая, что наглецы наплюют на указ, владыка поджидал их в винно-сикерных магазинах, у детсадов, и даже заглядывал в окна их квартир. Попы весной и осенью собирали полами ряс всю уличную грязь, и у престолов предстояли не более чистыми, чем гергесинские караси, зато были не в запрете.

27

Матушка Епистимия, супруга отца Соссия, знала всё и обо всём.

— В автобусах приличным девушкам делать нечего. Там ездят лишь проститутки!

— Но почему, матушка? – удивлялся молодой и неопытный отец Зиновий, муж её сестры.

— Потому что в автобусах похотливые девки, используя давку, прижимаются к мужикам и трутся об их детородные уды!

— Матушка, ну с чего вы это взяли, кто вам такое сказал? – не унимался невежда.

— Да уж я-то знаю, в молодости сама так делала, — поучительно отвечала матушка Епистимия.

И отцу Зиновию ничего не оставалось делать, как признать её правоту.

28

Чтец Парамон был очень ленив. Он не любил разжигать кадило и ходить во время литургии за записками. Прознав, что отец Игафракс ужасно боится

разного колдунства, Парамон смекнул, что это может сослужить ему хорошую службу. Прежде чем подать батюшке стопку принесённых записок, он отворачивался, слегка надрывал верхнюю и тихо шептал:

— Снип, снап, снурре, пурре, базилюрре!

А подавая кадило, он пристально смотрел на угли и хаотично вращал глазами яблоками. Очень скоро нервы у отца Игафракса не выдержали, и он стал сам ходить за записками и подавать себе кадило. А чтец Парамон наслаждался минутками отдыха.

29

Владыка Иперехий уважал патриарха. И всегда во всём его слушался. И когда патриарх, увидев, что на окраинах первопрестольного града Кэр-Паравела не хватает храмов, и сказал, что нужно на десять тысяч населения иметь один храм, владыка понял, что нужно действовать. Всего за какой-то год он, применяя метод кнута и кнута, добился от строптивых попов-ретроградов регистрации ещё двух сотен приходов. Поставили времянки и начали служить. Пригодились и болящие семинаристы. Хиротонисал их и отправил служить. Немногочисленные прихожане рассосались по строящимся храмам и почётно стали церковными работниками – певчими, казнокрадами, просвирицами и пономарями. А то, что храмы пустые – так это ничаво.

30

Отца Коприя Изюмова, настоятеля старинного храма, на мякине было не провести. Второй священник – отец Фока Изюмов, его однофамилец, это знал. Но почему-то всё равно не оставлял попыток объегорить отца Коприя и получить у него зарплату за позапрошлый месяц. Как-то раз хитроумный отец Фока раздобыл бинокль и засел в овраге, наблюдая за домом, где жил отец Коприй. Узрев, что настоятель зашёл через заднюю калитку, отец Фока, потирая руки, рванул стучаться в закрытые ставни окон. Но матушка Гаиания, горестно заломив руки, поведала, что её батюшка не приходит домой вот уже вторую неделю. Сбитый с толку, отец Фока в очередной раз ушёл, несолоно хлебавши.

31

Отец Зиновий слыл худшим попом в городе. Он был натуральным фарисеем и не имел любви. Придет человек к Херувимской, а отец Зиновий не разрешает причащаться. Мол, всю литургию пропустил. И выговаривает, что чаю с булочкой тоже нельзя перед причащением. Люди качали головами, но

смиряться. Ведь и Христос терпел от книжников. Поговаривали даже, что якобы он не допускает к Чаше сожительствовавших.

32

Отец Родопиан был трижды мученик. Во-первых, он был морально травмирован во время захвата панибратами православных храмов в Тельмаре. Во-вторых, он отважился перевестись туда, где зимой часто случалась минусовая температура. В-третьих, видя склонность отца Родопиана к подвижничеству, владыка Иперехий дал ему в настоятельство храм в городской местности с мизерным семидесятитысячным населением. Было трудно, но отец Родопиан терпел и смирялся.

33

Отец Авундий, секретарь епархии, был очень честным человеком. Когда соседняя Тархистанская епархия пострадала от засухи, и в каждом добродетельном добрые прихожане собрали тысяч по 40 дидрахм в пользу нуждающихся, то около 270 тысяч осело в кармане, известном одному только отцу Авундию. А тут протодиакон Сонирил возьми да и напиши в отчете для патриархии, что передано 300 тысяч. Но ведь это неправда! Пришлось наказать его да исправить, чтоб всё было по-честному.

34

Отец Олимпий, настоятель деревенского храма, был изрядным сребролюбом и всё время думал о том, как прокормить троих детей. Отец Ферм очень скорбел о душе отца Олимпия и оберегал его от пагубного служения золотому тельцу. Сперва он забрал у него череду в добродетельном храме. Затем увеличил долю налогов на содержание епархии. Потом уменьшил зарплату его попадье в хоре. Но видя, что ничто не успевает, но паче отец Олимпий продолжает надеяться на деньги, отец Ферм слёзно молился о нём Богу.

35

Отец Бидзина был необычайным человеком. Он знал и умел абсолютно всё. Но гордыня богомерзкого Бэтмена ему была чужда, и он чистосердечно рассказывал всё своей матушке, пономарям и штатным попам. Как он учил в семинарии преподавателей, как к нему ходят на поклон воры в законе, как мэр во всём советуется с ним, как он летал на бесе в Небесный Град Иерусалим, и как на нём, отце Бидзине, держится Церковь. И попы дивились милости Божией об их настоятеле.

36

У монахини Леониллы был дар видения грехов. А поскольку своими она так и не обзавелась, приходилось видеть чужие. Человек она была совсем не равнодушный и всячески хотела помочь всем греховодникам – мирянам, попам и владыкам. Тогда она взяла на себя нелегкий подвиг – ежедневно ходить в гости к верующим и рассказывать, кто каким грехом поражён. Чтоб добрые люди молились за идущих в адскую бездну.

37

Отец Наркисс был богослов. В семинарии он учиться не хотел, дабы не смущать своим разумением профессоров. Но всякий знает, что кто истинно молится, тот богослов. А отец Наркисс уж точно молился истинно, ведь он был богослов.

— Бог не имеет границ! Поэтому в Церкви выпуклые иконы делать запрещено! — поражал отец Наркисс своей мудростью на проповеди всех прихожан. А те весьма радовались тайным откровениям о Господе.

38

Отец Родопиан очень трепетно относился к церковному имуществу и очень огорчался, если оно пропадало зазря. Увидев, что во вверенном ему храме на складе пропадает и бьётся вдребезги от долгого лежания в ящиках дорогое цветное стекло, отец Родопиан самоотверженно спас запасы, оклеив ими в своём доме все потолки. Когда он вечером включал свет, потолки красиво переливались и была благодать.

39

Отец Родопиан был очень послушным священноначалию, и когда владыка Иперехий потребовал кандидатов для хиротонии, то быстро убедил юную библиотекаршу Юнию выйти замуж за болящего пономаря Гавделаса. Из того получился замечательный диакон. Его имя гремело на весь город, когда он после службы попытался откусить нос у своей молодой матушки. А отец Родопиан гордился своим ставленником и заранее подыскивал кандидатуру ему на замену.

40

Благочестивый Варсис помнил, что согласно 50 псалму Давида, грех человека перед ним есть выну. Этот свой грех он всегда оплакивал на исповеди:

— Когда наш отец Авундий крестился пятернёй или накрывал Потир платом вместо покрывца, я, негодный, осуждал его! А ещё я обижался на ближних, когда они лгали, предавали, блудили, воровали, не постились, клеветали и подличали!

И слёзы раскаяния текли по бороде Варсиса.

41

Отец Иской, как и некоторые другие, курил табак. Но ему не хотелось, чтоб прихожане думали о нём плохо, и потому курил тайком, левой рукой, чтоб, когда целуют правую, не учуяли запаха. А бороду смазывал церковным благовонием. Для верности он ещё брызгался заграничной туалетной водой. И прихожане часто спорили между собой, пытаюсь понять, почему от их пастыря помимо обычного запаха сигарет несёт дешёвым борделем.

42

У отца Наркисса дома мироточили все иконы. Но злой владыка Иперехий всё равно требовал от него, чтоб он поступил в семинарию. Не знал, видимо, что от многой мудрости много печали.

— Эх, от юности и науки злы, — вздыхал отец Наркисс, глядя на молодых попов-академистов, которые зачем-то знали про пророка Осию и деяния Трулльского собора.

И молился о вразумлении своего архиерея.

43

Отец Соссий очень не любил грех. Сам творил его только с большой неохотой. Бывало, овладеет блудницей за деньги, а самому противно. Присвоит пару лишних дидрахм из церковной казны, а самого аж воротит. А уж если другой поп грешит, так и вовсе стерпеть не мог. И жаловался отец Соссий на всех священноначалию, но оно вершить правый суд не спешило.

— Насквозь прогнили, — грозил он пальцем в сторону епархиального управления.

44

Много, много грехов знали матушка Епистимия и отец Соссий за всеми. Кто папе Римскому в годы безбожной власти ручку целовал, кого в кабинке ресторана ловили за содомским грехом со спонсором, а кто почти тайно имел вторую семью. Но призвать их к ответу не могли, ибо хоть и не трусились, но побаивались. Поэтому они мечтали отомстить за всё отцу Зиновию, ибо

верно слышали, как кто-то рассказывал, что вроде бы и он согрешил. И искали супруги правды Божией.

45

Отец Евпсихий никогда не отказывал прихожанам в благословении. На отчитку? Бог благословит! Не поститься? Бог благословит! Сократить молитвенное правило? Бог благословит! Лечиться торсионными полями? Бог благословит! В монастырь? Бог благословит! Замуж за басурманина? Бог благословит! Судиться с братом за наследство? Бог благословит! И ни в чём таком никому не отказывал, неудобных вопросов не задавал. И люди говорили: у отца Евпсихия есть любовь.

46

Отец Зевин много претерпевал от своего настоятеля. Тот издевался над ним и придумывал различные глупые правила. Вовремя на исповедь выйди. Вовремя возглас дай. С перегаром на службу не ходи. Без ведома настоятеля ничего в храме не делай. Мимо кассы не крести. К проповеди готовься. В футболках не ходи. На красивых прихожанок глаз не клади. Сплошной концлагерь! И тяжко скорбел отец Зевин от такой жизни.

47

Раба Божия Полактя очень любила людей и никогда не брезговала ходить ко всем в гости. А в гостях завсегда развлекала хозяев рассказами о своих болячках, скорбях и обидах. Это чтоб православные не унывали в своих невзгодах, а слушали её и радовались, что живут намного лучше, чем Полактя. Неблагодарные же людие делали вид, что их нет дома, а некоторые даже становились волонтёрами в храмах, лишь бы Полактя их не заставала дома.

48

Отец Крисп не доверял монахам тайным и переходящим из дома в дом.
— Монаху вне кельи делать нечего, — гундел он.

Сами монахи не сильно обижались на попа, которым наверняка овладел диавол, а благочестивые люди обходили его стороной, ибо никому нельзя судить монахов. Особенно женатым попам, жрущим мясо и делающим грех на своих попадьях.

49

У отца Евода любви было больше, чем у других попов. Количество его духовных чад исчислялось сотнями. А всё потому, что только он имел благодать, а другие попы не имели, так как не умели видеть порчу и сглаз на прихожанах. Пророком отец Евод в отличие от своих духовных чад себя не считал, но во глубине души догадывался. Летом он летал на сказочное Хали-Гали проповедовать Царство Мессии.

50

Раб Божий Варсис знал, что настали последние времена, и был готов отразить пришествие проклятого антихриста, для чего продал квартиру и купил дом в деревне и цистерну бензина. От чипов и штрихкодов он был уже защищён, про масонские заговоры прочитал всё, что мог. И следил за хитрыми попами, которые норовили его затянуть в католичество и оккультизм посредством православных каналов на ТВ и прочими смехотворными уловками.

51

Диакон Марон был широко известен в городе даже среди неверующего населения. Из уст в уста передавалась история, как он гонял средь бела дня на мотоцикле по пешеходной дорожке, управляя одной только шулицей. В деснице же у него была бутылка сикеры, из которой он часто отхлёбывал. А в зубах дымилась черноморина. При этом отец Марон успевал пятиэтажно G-гурдить. Сам герой про свои подвиги не знал и на мотоцикле ездить, к своему стыду, не умел.

52

Отец Сигиц любил быструю ночную езду. А дорожные инспектора о том недомышляли и часто его останавливали.

— Я не пьян, я причащался! — мычал батюшка, но безбожники не поверили ему и даже не оценили его шулки с выхватыванием полосатого жезла. Сидя в дежурной части, батюшка уверял, что может заколдовать молодого лейтенанта, но тот на всякий случай прикидывался глухим. А вот владыка Иперехий как раз юмор любил и, посмеявшись, рекомендовал отца Сигица в любую другую епархию. Где возьмут, в общем.

53

Отец Феликс мечтал сослужить с достойными пастырями, чтоб учиться у них. Но, к сожалению, Господь смирял его тем, что окружил всяким отребьем. Пожилые попы были выжившими из ума, молодые были глупыми

сопляками. Один был вор, другой неуч, третий наёмник, а не пастырь, четвёртый не имел страха Божия, пятый вовсе был подонок. Вздыхал отец Феликс и укреплял своё сердце зелёным вином.

54

Никак не мог владыка Иперехий собрать достаточно средств на содержание епархии с меркантильных попов. Пришлось вызывать по одному.

— Ты, отец Дидим, почему не платишь?

— Так денег нет, владыка святой! — смущался жадный поп.

— Да у тебя налог ведь совсем небольшой, 4 тысячи всего-то!

— Владыка, так ведь в моей деревне живёт всего 900 человек! — юлил жадина.

— А по статистике у нас в стране 80% верующих. Значит, у тебя 720 прихожан! — разошёлся владыка. — Да не во всяком городском храме столько народу бывает! Стало быть, ты должен платить не 4 тысячи, а 10!

Помутилось в голове у отца Дидима от такой арифметики, и понял он, что лучше эти деньги ежемесячно просить у родителей, чтоб не лишиться креста.

55

Отец Бидзина был просветителем. Просвещал он всех, невзирая на лица. Безвозмездно. О чём бы ни зашла речь, батюшка старался рассказать всё, что знал. А знал он всё. И как колодец выкопать, и как лечить скарлатину, и как детей правильно рожать, и как государством управлять. Жестоковейные же люди желали ходить во тьме, и мнением отца Бидзины совершенно не интересовались.

56

Отцы Коприй и Херимон недолюбливали друг друга, но были вынуждены служить в одном городе. Случился престольный праздник в храме у отца Коприя, и отец Херимон приехал на вечернюю службу, намереваясь наутро послужить с отцом Коприем литургию.

— Завтра отец Херимон поразит всех нас своей проповедью, — обратился настоятель к своим прихожанам с амвона после службы.

— Кто паразит? Я? Да ты сам паразит! — обиделся отец Херимон, и на литургию наутро не приехал.

57

Отец Авундий, секретарь епархии, вид имел измождённый и худой, подрясник носил с заплатой, наперсный крест местами облупился. При прихожанах он прихрамывал так, что даже баба Марфа, инвалид войны, его жалела и лезла за кошельком, чтоб дать батюшке пятисоточку.

– Деньги к деньгам, — одобрительно говорил отец Авундий, и относил бумажные ассигнации в банк, где они дожидались очередной лечебной поездки на браззерский фестиваль.

58

Раба Божия Рипсимия очень хотела замуж. Конечно же, не секса ради, но добродетельного статуса для.

– Хоть за козла! — в отчаянии говорила она отцу Зиновию, но тот строжился, что муж должен быть православным и даже не скотиной. Зато отец Евпсихий вовсе не был таким ригористом, и по природной своей доброте разрешил Рипсимии выйти за козла. Козёл оказался не ручным, но драчливым, всю капусту тратил на водку, и ходил за любовными утехами совсем в чужой огород. И обижалась раба Божия Рипсимия за это на отца Зиновия очень и очень.

59

Цецилия, заболев, пришла в ближайший храм, чтобы причаститься. Но отец Крисп с первого взгляда невзлюбил её и стал придираться.

— А скажите-ка, Кто для Вас Бог?

Выяснив, что Цецилия считает Бога сводом законов, доброй идеей, придуманной мудрыми людьми, отец Крисп почему-то отказался её причащать. Тогда Цецилия кротко напомнила ему, что бирючиновую аллею близ добротиннического храма посадила именно она, а с отцом Финеесом она даже крестила детей. Но гордый молодой поп с беленьким крестиком не вменил её подвиги ни во что, и даже хамски предложил за причастием обращаться к отцу Финеесу и отцу Фербу. То есть, Ферму.

60

Отец Евпсихий очень уважал эпистолярный жанр, и за каких-то 6 лет своего добротинничества написал больше писем, чем сам Ключис Эрролл, основатель Чеширской семинарии. И все были адресованы владыке. И все про отца Псоя, про все-все его проступки. Отец Псой старался не отставать от начальства и писал владыке на отца Евпсихия. А владыка Иперехий за эти переписки ласково называл их отцом Ангельсом и отцом Скаутским.

61

Раба Божья Дросида ложь ненавидела, но любила правду, и всем её говорила в лицо. Всяческое лицемерие было для неё неприемлемо. Поскольку все остальные правды боялись, приходилось отстаивать истину в судах. Все судьи знали Дросиду в лицо, а попы её опасались и обходили на всякий случай стороной, поскольку не любили правду о себе. У таких-то лже-попов Дросида никогда не целовала руку и надеялась встретить достойного пастыря, но всё никак не встречала.

62

Однажды (за несколько лет до) классная руководительница, зная, что её ученик Парамон верующий и даже пономарит у отца Ферма, заявила при всех, что давеча видела «этого вашего отца Ферма» в публичном доме. Довольные старшеклассники заливались счастливым смехом, а Парамон закивал и сказал:

— Да-да, отец Ферм – он такой. Любит женский пол. А Вы, Иаиль Самеевна, в публичном доме-то что делали? Ой, простите, я, наверное, лишнее спросил...

И больше учительница на церковные темы разговоров не вела.

63

Отец Евпсихий был обделён жизнью. Во-первых, добротине ему досталось нищее, во-вторых, местные попы почему-то недолюбливали попозельмарских, в-третьих, они постоянно пытались его объегорить. Особенно отец Капитон. Тот в своем сельском храме то консультации юриста устроит, то врачебный приём. А то и всякие чаепития и беседы перед крещением. И всё бесплатно! И всё с целью переманить к себе прихожан отца Евпсихия, не иначе!

64

Отец Крисп никогда не изменял своей жене, потому что имел страх лишиться креста. А может ещё потому, что никто не хотел с ним возлечь. Но как назло, вокруг было много молодых симпатичных женщин. И оглядывал отец Крисп соблазнительные очертания женских тел и, сурово взирая с амвона вокруг, мечтал перепробовать с каждой из них всё, что нельзя.

65

Отец Феликс держал свою попадью в чёрном теле, потому что так повелевал поп Силивёрст, автор Дымостроя. Телевизор, интернет, художественные

книжки, музыка и подружки были запрещены. Для её же блага. Чтобы диавол через жену не разрушал семью. Розог дома не было, потому приходилось проводить профилактику десницей и шуицей. А юная матушка Мелитина мечтала встретить свою любовь и уйти к нему вместе с тремя детьми.

66

Илиодор был тайным монахом. Кто его постригал – для всех было великой тайной. Даже для епископа Иперехия. Тайность монашества нравилась Илиодору и давала ему возможность не подчиняться никому.

— Кто вы такие, чтоб судить монаха? — восклицал он. — Я монах, мой отец был монахом, и дети мои тоже будут монахами!

А чтец Парамон, в отличие от всех, Илиодора уважал.

— Схимник тайный, блудник явный, — всегда одобрительно отзывался он об Илиодоре.

67

Отец Фока был красив ликом и ладен станом, и поэтому у него было много любовниц. Примерно, человек 300. И все, как на подбор, страшные. По крайней мере, так рассказывали люди, а люди-то уж врать не станут. Да и сами эти женщины с удовольствием подтверждали эти слова, так как они сильно поднимали их статус.

68

Отец Пигасий не любил отца Ферма за то, что у него были деньги, а у отца Пигасия — нет.

— Потому что он не пропивает их, — ехидничал отец Маммий.

— Потому что он – феодал, а мы – его крепостные крестьяне! — ругался отец Пигасий. — И вообще, он в дурдоме сидел, а ему доверили добротиние!

— В сумасшедший дом его в юности упекла персидская власть за желание поступать в семинарию, ты же знаешь, — возражал отец Маммий. Но отец Пигасий был непреклонен.

69

Отец Крисп был грамотным интернет-сёрфером, вёл блоги и участвовал во всевозможных форумах. Дабы не быть узанным, он использовал хитроумные аватарки и никнеймы. И отводил душу всякий раз, когда постил

всякую хрень, ибо анонимно. А лейтенант службы безопасности всё подробно прочитывал и делал копии. На всякий случай, конечно. Вдруг власть сменится.

70

Отец Акила имел сладкозвучный голос и умел нотной грамоте. За это он был участником архиерейского хора и всюду ездил со свитой владыки Иперехия. Но не все его уважали и любили, считая, что красиво петь и быть при владыке недостаточно для того, чтоб быть почитаемым. Сталкиваясь же с проявлениями непочитания своей высоты, отец Акила очень скорбел и вспоминал в своё утешение, что и пророков гнали.

71

Отец Савел возмутительным образом прогулял воскресную службу.

— Вы же сами благословили мне идти на мирскую работу! — оправдывался он — Я же вас предупредил, что у меня смена совпадает, а подмениться некем!

— Ну что теперь? Ничего страшного, — сказал отец Финеес и сел писать рапорт архиерею на гадкого диакона, как тот, презрев высоту священнослужения, самовольно оставил службу, променяв храм Божий на золотого тельца.

72

Отец Капитон потерял всякий стыд и, получив наследство, купил неприлично дорогую колесницу за миллион дидрахм. Само собой, чтоб позлить добродетельного. Отец Евпсихий сразу сообразил, что это прямой вызов не только лично ему, но и вообще всей тельмарской самостильности.

— Нужно действовать! — решил отец Евпсихий и сразу повысил отцу Капитону долю налога ещё на 10 тысяч. Но последний вероломно пожаловался архиерею. Так и форсил отец Капитон на своей бричке нагло и безнаказанно.

73

Раб Божий Варсис любил православие. А профессора Жураева не любил, потому что тот был православию угрозой. Об этой угрозе Варсис узнавал от надёжных людей. Оставаться в стороне он не желал и вёл с волком в овечьей шкуре непримиримую борьбу, разъясняя всем, что хитрый протодиакон неправ во всём. Правда, Варсис ничего не читал у отца Авдея и не слышал ни

одной его лекции. Зато он был чист от яда жураевщины, чем и гордился перед заражёнными.

74

Однажды владыка Иперехий понял, что был неправ, надеясь отжать у попов деньги силой, и пустился на хитрость. Распорядившись представить к архиерейским грамотам всех жертвователей, строителей, благоукрасителей и церковных работников пенсионного возраста, затем выставил счет за грамоты всем приходам. После удачного урожая владыка Иперехий на волне внезапного вдохновения заказал у арджунских ювелиров с соседней улицы медали в честь 63-летия Тархистанской епархии, 97-летия Всеэтрусского поместного собора, а также всех этрусских мучеников пофамильно. И предвкушал грядущие массовые награждения.

75

Раб Божий Турвон был очень болен неизлечимой смертельной болезнью. Врачи ещё в детстве поставили ему зловещий диагноз.

Гастрит!

Кое-как Турвон, нет, не жил – догорал, угасал вот уже 40 лет. Он уставал от любой работы, и у него еле хватало сил посидеть в интернете или посмотреть кино. На молитвы сил не хватало совсем, а от поста его просто размазывало. Поэтому Турвон постов не соблюдал. А бессердечные попы в его храме были глухи к его бедам и настаивали, что во время строгого поста курочку есть нельзя, а перед причастием нужно обходиться без еды не час, а целых десять! А Турвон терпел их притеснения ради Христа и скорбел.

76

Певчая Хариесса была девственницей и очень хотела замуж. Однако ухаживания молодых прихожан и пономарей отвергала в категоричной форме. Ей очень нравился отец Капитон, и она часто кокетничала с ним, мечтая, что однажды он захочет подвезти её домой и в машине полезет к ней целоваться, а она такая вспыхнет и скажет:

— Вы что, отец Капитон? Как вам не стыдно? Ведь у вас дома законная супружница и двое ребятишек! И вообще, я не такая!

Но отец Капитон продолжал не обращать на неё внимания как на женщину, и Хариесса втайне ненавидела его и всех мужиков-козлов.

77

Отец Кир имел дар молитвы. Когда он служил, слёзы катились по его щекам, и каждый возглас его проникал в самые глубины душ прихожан, отзываясь в их сердцах благодатью. Однажды отец Кир с таким умилением пел, вопиал, взывал и глагодал ко Господу, что прослезился даже чтец Парамон. А корыстный отец Зевин думал только о земном и подло спросил отца Кира, можно ли взять на освящение квартиры его личный требный чемоданчик.

— Пошёл на хор, — кротко промолвил отец Кир и облился слезами за заблудшую душу собрата.

78

Благочестивый отец Крисп имел горячую нелицемерную веру, оттого в чтении Ветхого Завета не нуждался.

— Апостол Павел был человеком ветхим, потому и уважал Закон Ветхий, всегда ссылаясь на него. Я же с рождения своего облечён в человека нового, — говаривал он книжникам и фарисеям вроде отца Зиновия. — А на чтение всей Библии времени-то у меня и нет, понеже труды мои священные велики весьма. Только Евангелие и успеваю читать за обедней.

И репостил отец Крисп котиков и чужие статусы на фейспалме не чаще тридцати раз в день, ибо времена лукавы бысть.

79

Отца Псою прихожанки часто вопрошали обо всём на свете: можно ли лечиться мочой, отчего ветер дует и когда лучше выставлять на продажу землянку. В конце концов, отцу Псою стало казаться, что он превзошёл в познании всего обо всём даже самого отца Бидзину. Бабушки радовались и славили Бога за Елисееву силу, почивающую на их батюшке втройне. И только псаломщица Дуклида, с отличием окончившая Чеширскую семинарию, сомневалась в божественном происхождении ответов лохматобородого пастыря, но не вслух.

80

Владыка Иперехий, прознав, что отец Калуф почитает себя за кого-то великого, хитроумно послал того на Фомины чтения, а сам провёл в его храме финансовую проверку. Отец Калуф, оскорблённый в лучших своих чувствах, написал по возвращении прошение о снятии его с должности настоятеля.

Воображение рисовало ему картины, как епископы упрашивали патриарха Дикона принять назад клобук, как визири били челом Иоаду Суоровому, моля

его возвратиться на фараонский престол. Однако ни месяц со звёздами, ни снопы не кланялись отцу Калуфу. И фараон, не уразумевши всей общеегипетской важности отца серповидца, не глядя подписал прошение, поставив над отцом Калуфом настоятелем молодого попа — отца Филита.

81

Отец Филит давно точил зуб на отца Калуфа, поскольку тот как-то раз отчитал его перед всеми попами первого берунского добротчина за сущий пустяк. Поэтому, став настоятелем, отец Филит первым делом нашел в церковной лавке пачку свечей, купленных не с епархиального склада. Поспешив на приём к архиерею, отец Филит, обливаясь слезами, показал ему свечи, намекнув, что именно таким дерзким образом наглый христородавец долгие годы обкрадывал епархиальную казну. Владыка же, глядя на неподдельные страдания отца Филита, прослезился сам и, обняв его голову, пообещал ему золотой крест на Пасху.

82

Отец Авундий провёл много бессонных ночей над книжкой о Небольшом Дофине святого Антона Эксуперия. В упоительном восторге он рассматривал рисунок, вроде бы похожий на шляпу, но на самом деле изображавший удава, проглотившего слона.

— Левиафанушко! — любовно приговаривал отец секретарь и водил пальцем по змейским изгибам. — Вот бы и мне такожде!

И с самого утра начинал обзванивать пастырей, дабы несли ему овцы своя.

83

Однажды отец Авундий, подрезая власы и браду, не нашёл в кармане даже двух тысяч дидрахм, чтобы дать цирюльнику на чай.

— Так дело не пойдёт, — понял отец секретарь.

Пришлось оптом закупать для епархиального склада знаменитое Тельмарское вино у производителя по цене 100 дидрахм за бутылку, указав в накладной цену в 350 дидрахм, а попам для литургии продавать по 500 дидрахм.

— Божеская наценка — 150 дидрахм с бутылки, — говорил владыка Иперехий, не понимая, чем всё время недовольны его попы.

— Божеский навар – 250 дидрахм с бутылки, — говорил отец Авундий, подумывая закупить для служения Господу тонну ладана в Аудовской Саравии в воню благоухания.

84

Чтец Парамон, прознав о недоверии истинно православных к духу века сего, заказал себе футболку для курощения своих единоверцев. Спереди был Жураев в боевом берете Эрнста Че Гевары с надписями «Команданте Жу» и «No pasaran!», а сзади Христиан Шарль Филипп Бейл в роли Иоанна Престона, клирика Тетраграмматона первого класса, в годном подрясничке и иерейским крестом на шее.

— А что? Оба православные христиане, уважаю их, — солидно объяснял Парамон потрясённым пономарям и круглоглазым певчим. — Каждый человек — образ Божий, — и благоговейно целовал край футболки.

85

Отец Рикс был не такой, как прочие попы. Ибо все попы были обычными, а он, отец Рикс, был особенным. Однако он не гордился своей особенностью, ибо гордыня — удел обычных людишек — всяких там гадов и сволочей. Окончив Чеширскую семинарию, отец Рикс научился главной добродетели в своей жизни — кенозису. Приходилось жить среди сидящих во тьме, смиряться с их обычностью и даже подавать некоторым из них руку, хоть и преодолевая себя.

86

Раб Божий Орентий был знаменитым на всю округу спелеологом. Никто лучше него не знал о пещерах и пещерных обитателях. Народным примером служил всем Орентий, и всякий его уважал. Многие отдавали к нему в секцию своих детей и платили за это хорошие деньги. Орентий издавал книги, частенько бывал на ТВ и радио. Поэтому отец Авундий предложил Орентию рукополагаться, в надежде поиметь с этого какую-никакую копейку. Однако, став попом, отец Орентий не только никак не отблагодарил своего покровителя, но и даже пренебрегал новыми служебными обязанностями.

— Нет на земле праведного, — сокрушался отец Авундий, — нет ни одного...

87

Однажды к чтецу Парамону подошла баба Марфа и спросила:

— А почему отец Кир третьего дня пел со святого алтаря «я какадила пред Тобою»? Это ещё какая какадила, а то я что-то не поняла.

Остановился Парамон и с поклоном отвечал, что отец Кир таким образом смиряется перед Тем, Кто землю на водах повесил, поелику какадила есть наихудший из всех гадов ползучих, населяющих далёкую страну Нод.

— Это которая партия патриотов Этруссии?

— Навроде того, — отвещевал смиренный чтец.

— Образ кротости и воздержания учитель! — воскликнула баба Марфа. — Сыночек, а что за святой у тебя на майке, а то я что-то не вижу.

— Сей есть преподобный Авдей Пэдерастомах, жупел и огонь на Содом и Гоморру одождивый, — пояснил Парамон благоговеино.

Растрогавшись, баба Марфа попыталась всучить чтецу Парамону сто дидрахм, но тот в очередной раз ловко скрылся в пономарке.

88

Раб Божий Нит был постоянным прихожанином всех храмов г. Беруны. Стоя у подсвечника, он притворялся, что просто убивает время, играя в пасьянс со свечками, а на самом деле внимательно всматривался и вслушивался. И ведь было зачем. То поп, выходя на амвон, Потир покроет платом вместо покрывца. То диакон крестится, «ломая крест». То просфоры пекутся на дьявольских дрожжах из костной муки (не то собачьей, не то человеческой, из могил). А то и вовсе римских пап на отпусках поминают Великим Постом. Так и не причащался Нит, ибо мерзость запустения была воистину.

89

Чтец Парамон выяснил, что пыль от прессованного химического угля сильно искрит, соприкасаясь с огнём. Путём несложных манипуляций Парамон пришёл к эмпирическому выводу, что если отцу Игафраксу в разожжённое кадило помимо горсти ладана бросить достаточное количество угольной пыли, то даже будничная служба без знака чудным образом превращается в самую что ни на есть праздничную. А полное каждение из скучного действия оборачивается невероятным феерическим перфомансом, где длиннобородый отец Игафракс, окутанный клубами дыма, яко могущественный волшебник Гэндальф, с треском извергает снопы искр. Старушки испуганно отскакивали, а чтец Парамон, задыхаясь от восторга, наблюдал из алтаря за сказочным действием в щёлку, шепча:

— О, Элберет, Гилтониэль! За Гондор! За Хоббитанию!

А грустный отец Игафракс сосредоточенно читал про себя «Живый в помощи», пытаясь вычислить, кто в храме навёл порчу на его кадило.

90

Диакон Марон был шутник. Терпеть не мог на ликах штатных попов своего храма печати скорби и уныния. Но штатные попы предпочитали иметь ужасно серьёзный вид, совершая литургию. Дабы укоренить в их сердцах радость о Воскресшем Христе, отец Марон, заходя в алтарь после ектении, совершал поклон служащему священнику, скорчив смешную рожу. В результате те не могли без смеха и фырканья говорить возгласы. Прихожане же боялись, что батюшки впали в прелесть и иногда даже выговаривали им. Сговорились те попы и в стопку записок с именами усопших подложили отцу петросяну записку фальшивую. Диакон же имел обыкновение прочитывать имена скороговоркой, и на автомате громогласно прочитал добрую половину имён:

воина Ахиллы

отроковицы Елены

убиенного Гектора

и внезапно:

Шарля Маркса

Фредерика Энгельса

Лары Цеткин

Роше Люксембург

Тут диакон Марон запнулся и стал читать помедленнее:

Галилео Га...

Иордано Бру...

Эрнста Че...

Саддама Ху...

Бедный отец Марон вытер ладонью испарину со лба и молча пробежался глазами до конца записки:

Лемюэля Гулливера

Шарля Ожье д'Артаньяна

Карабаса Барабаса

Сириуса Блэка

Кристофера Робина

Василисы Микулишны

Никиты Кожемяки

И самом конце записи было написано:

Не забудь помянуть приснопамятную рабу барскую Му-Му.

Захрюкав, отец Марон рванул с солеи в алтарь, чтоб провалиться на полу пономарки, корчась от смеха. А мудрые прихожане сказали:

— Бесы нападают, бесы.

И больше диакон Марон с суровыми попами шуточных шуток не шутил.

91

Однажды отец Игафракс по секрету поведал одной прихожанке, которая не была колдуньей, что борется с колдовством однократным вкушением пищи в те дни, когда он служит литургию.

— Причастившись, я ощущаю такую благодать, что до самого вечера не хочу есть и духом воспаряю к горнему Иерусалиму.

Назавтра уже весь приход гудел, обсуждая важную новость о святине под спудом — отце Игафраксе. Спорили, можно ли в записках писать его имя прежде настоятеля. Сам отец Авундий же, лишённый всяческого тщеславия, говорил, что слава людская — бремя тяжкое, дохода не приносящее, но зато очень даже обязывающее.

Отец Кир же, растеряв большую часть поклонников своего молитвенного таланта, знал, откуда растут ноги у святости отца Игафракса:

— Ну, конечно, он же частички вынимает из просфор огромные, как навалит на дискос, там аж агнца не видать! И вина в Потир льёт целых пять ковшичков. Он когда Чашу потребляет, она до самых краёв. Так он после литургии и сытый, и торкнет ещё его от вина. Вот и благодать с постничеством. Жулик он!

— И почто я сам до такого не додумался-то? — грустил отец Авундий.

92

Раб Божий Ерос поссорился с молодой женой, отчего она уехала пожить к маме. Уехала да и супружеский долг весь забрала с собой. На третьей неделе подвига воздержания случилось у Ероса восстание плоти, да такое, что хоть на стенку лезь. Ясно дело — бес в ребро! Решил Ерос изгнать беса.

Разбежался — да со всей мочи о стенку хлоп! От сильной боли бес, вестимо, вышел вон. В травмпункте жизнерадостный лекарь сообщил Еросу, что у того перелом детородного уда. А когда раб Божий Ерос рассказал всё на исповеди отцу Криспу, несчастный поп облился слезами, обратил очи вверх и горько воскликнул:

— За что, Господи? За что мне всё это?!

93

Отец Бидзина как-то раз, зайдя в алтарь своего храма, увидел, что молодой алтарник, которого он не знал по имени, стоит на четвереньках перед святым престолом и лижет стекло оклада. К такому отца Бидзину жизнь не готовила, поэтому он на цыпочках осторожно вышел из алтаря и заперся в своём кабинете. Ибо мало ли что.

94

Однажды епископ Иперехий после архиерейской службы награждал местную поэтессу, которая по совместительству была личным спонсором настоятеля. Приколол к её жакету медаль имени Всех Тархистанских Поэтов, владыка отвлекся от мыслей об учреждении епархиального ордена за Любовь и Верность, так как заметил бравого юношу в подряснике и стихаре с орарём. Это был чтец Парамон, доселе успешно скрывавшийся от внимания высокого начальства. «Подальше от царей, поближе к кухне» — было его твёрдым убеждением.

Владыка Иперехий о том не ведал, и спросил, не желает ли юноша быть архиерейским иподиаконом. Парамон этого не хотел, поэтому быстро ответил:

— Конечно, хочу, владыко святой! К тому же, я тоже немножко поэт.

На этих словах настоятель отец Авундий вздрогнул и опасно покосился на чтеца, который продекламировал:

Отец Захар, запив хлеб квасом,

С тоской смотрел в окно на хлеб

И думал: «Был бы прендегастом,

В соборе бы сейчас служил».

Воцарилась неловкая тишина.

— Пренде... кем? — прочистив горло, тихо спросил владыка. Отец Авундий молчал, побледнев. Вмешался находчивый отец Зевин:

— Петер Прендергаст — это футбольный арбитр, который...

— Нет, я не это имел в виду, — перебил Парамон, убив всякую надежду в душе настоятеля.

— Эммм... — протянул покрасневший владыка.

— Морис Брэзил Прендергаст, художник-акварелист, — вставил Парамон.

— Понятно... — сказал владыка Иперехий и больше Парамону никогда ничего не предлагал.

95

Издав как-то владыка Иперехий указ о социальной деятельности приходов, дабы было о чём отчитаться в патриархию:

— И чтоб побольше всяких там братств и сестричеств было! Догнать и перегнать Тельмарскую епархию!

И полетела весть во вся концы сказочного диоцеза. Многие настоятели опечалились. Но не таков был отец Ферм, чтоб лить горькие слёзы во всех непонятных ситуациях.

— Бог не выдаст — свинья не съест, — изрёк он, взял листок бумаги да и вписал в него всех своих подчинённых — певчих, пономарей, бухгалтершу, библиотекаря, поварих и сторожа. Поразмыслил немного и добавил туда своих друзей, знакомых и спонсоров. Таким образом, его сестробратство во имя Симона Волхва оказалось самым многочисленным во всей Нарнийской епархии, и довольный владыка Иперехий ставил отца Ферма всем в пример.

96

Как-то раз владыка Иперехий заслушал квартальный отчёт епархиальной бухгалтерши, и оказалось, что отец Олимпий всё ещё не доплатил 1500 дидрахм за товар, взятый аж в позапрошлом месяце. Ситуация была очень серьёзная, ибо сегодня один поп задержит долг на два месяца, завтра двадцать попов не сдадут вовремя на содержание епархии, а послезавтра, глядишь — никто не сдаст деньги на именины архиерея!

Вспомнив чьи-то рассказы об армии, владыка принял поистине Соломоново решение — отменил назначенное награждение пяти попов с этого добродетельного. Чтоб неповадно было. В том числе не получил креста с украшениями и секретарь отец Авундий. Но в отличие от остальных ненаграждённых, он несколько не огорчился, ибо был чужд скороходящей славы мира сего.

— И чего все так переживают за эти награды? — бормотал отец секретарь, подсчитывая, во сколько ему обойдётся купить дом в Красногории на берегу Наталического моря. — Суета сует, всё суета!

97

Чтец Парамон проводил свой законный выходной день дома, развлекая себя новым бестселлером Бена Драуна «По прозвищу Твикс». Главный герой, инспектор заграничной семинарии, уже почти разгадал хитрый замысел врагов, пожертвовавших семинаристам партию взрывчатки под видом кондитерских изделий. Ещё немного — и герой, рискуя репутацией, съест всю партию, дабы никто не пострадал. И тут в дверь очень некстати позвонили свидетели Иеговы. Узрев на пороге двух женщин с пакетами, Парамон громогласно возопил:

— Славен наш Бог Иегова!

Вид бородатого мужа с длинными растрепанными волосами произвёл на женщин самое сильное впечатление. В течение каких-то десяти минут Парамон убедил их, что он есть пророк Илья, вернувшийся на грешную землю возвестить царство Мессии и погибнуть от рук антихриста. Затем он подозрительно прищурил глаза и воскликнул, хватаясь за филейный нож:

— А не Вааловы ли вы, часом, жрицы?

Внимательно выслушав пламенные коленапреклонные заверения в обратном, Парамон сообщил им, что 144 тысячи праведников в царство Мессии уже набраны.

— Что же нам делать? — в слезах вопрошали проповедницы.

— Праведники Иегове более не нужны, но можно вас послать на перевоспитание к великим грешникам — в Православную Церковь. Если будете себя там хорошо вести, помилует вас Иегова и не оставит без Своей заботы, — сурово нахмурился огненный колесничник.

— А теперь марш в храм, который за остановкой, а я буду там за вами приглядывать! — рявкнул чтец Парамон. И обрадованные женщины убежали, благодаря Бога.

98

Епископ Иперехий собирался на аэроплан. Лететь нужно было не абы куда, а в Орландию, где на тракте Зелёных Аптек люди жаждали духовного просвещения.

— Владыка, поспешите, а то опоздаем на рейс, — нервничал отец Акила, который надеялся, пока владыка миссионерствует, посетить местное хранилище стеариновых мощей людских угодников.

— Что ты тут мне безумства глаголешь? Я архиерей или кто? Что значит — опоздаем? Воистину, рече безумен в сердце своем! — возмутился владыка, выбирая ботинки, галстук и зонт.

В аэропорту выяснилось, что аэроплан уже улетел.

— Как так — улетел? Не понял! Без меня??? Почему? Кто разрешил? — повторял владыка в полной растерянности, глядя на аэропортовую челядь, которая его недоумения совершенно не разделяла. А отец Акила боролся со страхом перед архипастырем и желанием его убить.

99

Отец Евпсихий точно знал, что гадкий отец Зиновий, который ходил по больницам с исповедью и причастием, зарабатывает бешеные деньги. Всякий же знает, что у больных этих самых денег тьма, и каждый из них готов платить любые суммы, лишь бы причаститься. Таким же знанием обладал и епископ Иперехий, который, радея о благосостоянии всех своих священников, решил каждому храму раздать финансовые подспорья — больницы, школы, тюрьмы и детские приюты.

Храму отца Евпсихия достались целых две золотых жилы — тубдиспансер и инфекционная больница. В одной люди умирали от заразного туберкулёза, в другой — от одному Богу ведомых заразных зараз. Рассудив, что пастырь добрый должен полагать свою душу за овцы, а не за баксы, отец Евпсихий смиренно отказался от служения маммоне и бил челом перед архиереем, дабы бремя стяжания богатств земных продолжал нести гадкий отец Зиновий.

100

Диакон Гавделас исправно нёс великий подвиг юродства Петросяна ради. То начнёт Всенощную с возгласа «Восстание», то на литии помолится от нашествия инопланетников, то на «Спаси, Боже» заручится предстательством честных небесных сил беспилотных. На протесты настоятеля отец Гавделас, держа очи долу, смиренно отвечал:

— Ошибся всего на одну йоту, простите.

Надоело всё это отцу Родопиану и, когда пришёл черёд выдавать диакону «братские», недодал ему одну тысячу дидрахм.

— Батюшка, вы мне неправильно выдали! — возмутился отец Гавделас.

— На одну йоту всего-то ошибся, прости меня, отец диакон, грешного, — отвечал настоятель, но тысячу так и не дал. На этом юродству пришёл конец.

101

Однажды чтец Парамон, позабыв о всех нормах человеческого приличия, поправ десять моисеевых и девять нагорных заповедей, дерзко и вызывающе дремал в пономарке. За что и настигла его небесная кара в виде оплеухи от возмущённого сим беззаконием отца Кира. Ещё не совсем проснувшись, Парамон ответил на спасительное заушение размахистой затрещиной, от которой несчастный отец Кир сел на пол.

— Мне конец, — подумал Парамон, приходя в себя. Но, призвав на помощь всю свою находчивость, выпучив очи, страшно зашипел:

— Скверный человечешко! Как смеешь ты руками, которыми берёшься за святыню, касаться нашего обиталища — тела ничтожного Парамона? Имя нам — Легион! Да мы тебя в порошок сотрём за это!

Белый как мел, отец Кир зашептал молитву и стал быстро крестить Парамона.

Затрясся Парамон, завертелся волчком и обмяк на стуле. После чего поднял ясный взор на отца Кира и добрым голосом сказал:

— Здравствуйте, батюшка. Благословите.

После тех событий отец Кир обращался с чтецом Парамоном исключительно ласково.

102

Отец Рикс не любил, когда после литургии ему приходилось потреблять много частичек, вынутых на проскомидии. Но не выбрасывать же их! Такое кощунство поставило бы отца Рикса в один ряд с прочими человеками —

грешниками и шуйцами. Поэтому отец Рикс, совершив проскомидию, выносил частички воробьям на крыльцо пономарки. И была благодать и взаимовыручка. А когда отец Рикс после службы шёл домой, Божии птицы кружили над пастырем, приводя прихожан в благоговение.

— Дивен Бог во святых Своих, — говаривали самые знающие из них.

103

После службы навечерия Рождества Христова юный пономарь Усфазан спросил отца Зевина, будет ли он брать в трапезной специально приготовленное для священно- и церковнослужителей сочиво. Отец Зевин усмехнулся и прорёк, что, придя домой, отварит себе пельменей вместо этого вашего птичьего корма.

— А как же пост? — пискнул Усфазан. — А как же звезда?

— Не человек для звезды, а звезда для человека! — назидательно подняв указательный палец, изрёк батюшка.

Растерянный Усфазан оглянулся на чтеца Парамона, ища поддержки, и тот, вкушая антидор, одобрительно закивал и сказал:

— Сси премудрость!

104

Завистники и недоброжелатели отца Авундия донесли как-то владыке Иперехию, что тот в академии учился за деньги и не знает даже Декалога, не говоря уж о других вещах.

— Ах, ты ж, собака! — возмутился про себя архиерей. — Ужо я тебе!

Через полмесяца на епархиальном собрании владыка внезапно оборвал отца Финееса, который докладывал о том, как у него в добротине всё хорошо, кроме, разумеется, денег, которых сам отец Финеес никогда в глаза не видал.

— Отец Авундий, — пронёсся властный баритон епископа Иперехия под сводами зала, разбудив спящих попов, — встаньте и расскажите-ка всем нам десять заповедей!

Отец Финеес поперхнулся, отец Ферм опустил глаза, отец Зевин злорадно усмехнулся, а отец Зиновий отложил в сторону Блаженного Августина.

Встал отец Авундий. Оглядел братию, откашлялся и, обратившись лицом к большому, писаному маслом портрету епископа Иперехия, сказал:

— Первейшая всех и наибольшая заповедь есть — уплатить налог в епархию. На сей заповеди висит весь закон и пророки.

Прослезившись, владыка Иперехий встал со своего места и, подойдя к смущённому отцу Авундию, троекратно облобызал его в бороду.

— Молодец! — повторял владыка. — Молодец! Верен был в малом, поставлю тебя над десятью добродетелями.

105

Баба Марфа мечтала выдать свою внучку Люциллу замуж за чтеца Парамона, потому что Люцилла жила у неё, была неверующая и водила мужиков. Всё это очень огорчало бабу Марфу.

— Сыночек, а что, если бы тебе с моей внучкой познакомиться, а? Девка красивая, умная, фигура у неё, в институте учится, готовит — пальчики оближешь, — вдохновенно врила она, остановив Парамона в притворе храма к большому неудовольствию других обладательниц незамужних внучек.

— Смотрите! — ткнув пальцем на выход, вдруг воскликнул чтец Парамон. — Меч Господа и Гедеона!

И пока баба Марфа и иже против неё смотрели на двери, разинув рты, мудрый Парамон умчался в алтарь.

106

Отец Авундий часто обращался к отцу Калуфу, поскольку тот знал всех чиновников в городе. Те, в свою очередь, знали отца Калуфа и были готовы сделать для него многое. Однажды сыну отца Калуфа потребовалась характеристика в Чеширскую семинарию, но отец Авундий отказал, мотивируя тем, что в родной епархиальной семинарии недобор.

Этим же вечером отец Авундий позвонил отцу Калуфу.

— Здорово, батя, у тебя же есть знакомые в автоинспекции? Как нету? Разве начальник не твой кум? Нет? Ну ладно...

В последующие дни выяснилось, что у отца Калуфа больше нет знакомств вообще нигде.

— Странно, — чесал в затылке отец Авундий, — куда что делось? Странно всё это...

107

Чтец Парамон как-то раз оказался нечаянным свидетелем уличной ссоры двух интеллигентных членов союза пера и стакана. Тыча пятернёй в сторону театра, они зычно спорили о Вихарде Рагнере, Церкви и пегасах.

— Ненавижу Старгейзер! — громко сказал Парамон, остановившись рядом со спорщиками. Те недоумённо уставились на него.

— Эээ, что, простите? — переспросил один.

— Этот ваш Старгейзер, несмотря на пиар и шумиху — полная фигня. То есть, простите, я хотел сказать — китч. Да, пожалуй, именно китч.

— Ааа, — начал было второй.

— Нет, я, конечно, отдаю должное самому искусству, но все эти инсинуации по поводу волшебника с его попытками левитации путём созидания великого столпа до звёзд пахнут пошлыми аллюзиями на Икара и Вавилонскую башню, — перебил чтец Парамон.

— Икар? — ошеломлённо спросил первый.

— Именно! — воскликнул Парамон. — Я как в текст вслушался, чуть бородой не подавился, то есть, простите, испытал когнитивный диссонанс! Такого я, признаюсь, от Ричи Уайтмора и Донни Рио не ожидал! Тоже мне, Старгейзер! Нашли тему для дискуссий. То ли дело — Хэллрэйзер! Тут вам и новизна, и прелесть Музы, и дуновение Зефира. Что ни говори, а художественная ценность текстов The Sweat будет гораздо более высокой, нежели у Grainbow, что бы там ни говорили критики!

В потрясении литераторы смотрели на чтеца Парамона в тягостном молчании. Затем второй нерешительно сказал:

— Вообще-то мы дискутировали о Тангейзере...

— А Тангейзер — это просто полная *** для всяких ***, — сказал Парамон и удалился, откланявшись. Этим вечером ему пришлось исповедоваться отцу Киру, поскольку вместо *** он употребил обценную лексику. В свете недавних событий отец Кир избегал давать чтецу Парамону эпитимии и поэтому просто отпустил ему грехи.

108

Владыка Иперехий, осознав бренность поповского бытия, вознамерился добиться равенства и братства в пределах вверенной ему епархии.

Равенство — дело непростое, чреватое переделом несправедливо нажитой собственности в пользу угнетённых. А будучи угнетённым высокими ценами на авиаперелёты в славный град Билан, архиерей распорядился перевести клириков Нарнийского диоцеза на постоянную зарплату от Епархиального Управления. В зависимости от должности, количества богослужений и требоисправлений вкупе с социальномиссионерскокультурноучебной нагрузкой, конечно же. А все деньги приходы передавали бы до последней копейки ему, архипастырю и господину, чтобы распорядился он корваном по совести и справедливости во славу свою.

— У меня есть мечта! — сообщил владыка Иперехий отцу Авундию.

Оказалось, что таким образом Епархиальное Управление возьмёт на себя приходские коммунальные платежи, выплату налогов, расходы на ремонт и строительство храмов и многое-многое другое. На Билан и Мандрит совсем не оставалось. Более того, владыка даже оставался должен приходам, что было возмутительно.

«Ну этих жадных попов и диаконов!» — сердито подумал владыка Иперехий, и отбыл отобедать в ресторацию.

109

Отец Зиновий был наихудшим священником во всей епархии. Он тянул одновременно всего лишь шестнадцать послушаний и не смог сделать самого простого — перевести в церковную собственность здание губернской библиотеки. И это несмотря на архиерейское благословение! За такой проступок его постигло лишение отпуска, хотя сперва епископ Иперехий намеревался отправить ленивого попа в запрет.

— Владыка Святой, — шептал мудрый отец Авундий, — Трудовой Кодекс нарушать не стоит. Мало ли что?

— Не любит боязливых Господь! — недовольно заметил архипастырь, но всё же подписал отцу Зиновию отпуск, а заодно дал тому заданий на весь отпускной период.

Небольших заданий. Организовать круглый стол по проблемам недосева зерновых культур, посетить конференцию в Тархистанской епархии, построить новый епархиальный туалет, подготовить проект прибыльной сети пирожковых ларьков и ещё по мелочам.

И каждый раз перед сном владыка вспоминал свою ловкую идею и радостно улыбался каким-то своим мыслям.

Созвав в конце года епархиальное собрание, епископ Иперехий, обведя орлиным взором поповские лица, лишённые даже намёков на проблески разума, тяжело вздохнул и стал говорить.

Говорил Владыка в который раз о том, что деньги валяются у нерадивых служителей Олтаря под ногами, но жестоковыйный нрав и косность ума мешают оным взять себя в руки и хотя бы нагнуться, дабы подобрать их.

Он говорил, что храмы Божии весьма возможно возводить даже и без презренных бумажных ассигнаций, не говоря уже о звонкой монете, за которую гибнут ходящие во тьме беззаконные люди. Ибо вокруг очень много богачей, жаждущих излить свою милость на Церковь, но никто им не подсказал, как сотворить сие.

— Вот ты, отец Зиновий, иди и созови на грядущей седмице благотворительный совет старцев людских, именуемых депутатами областной Думы, или как бишь её, — возгласил преемник апостолов.

— А ты, отец Филит, в те же сроки обязуешься создать попечительский совет из директоров кинотеатров, владельцев пароходов, влиятельных писателей и адвокатов. С ними же позови и губернатора, дабы узрев его, всяк устыдился пожертвовать мало.

— Садясь за руль, дорогие отцы, сперва творите крестное знамение с молитвою и затем лишь заводите двигатель!

— Вовремя платите на содержание епархии!

Попы теребили бороды и смущённо переглядывались, испытывая смешанные чувства. Лишь двое из них не просветились в той день светом истины: отец Рикс, уснувший ещё до собрания, и отец Крисп, в наушниках просматривавший с планшета новые серии богомерзкой Игры Жертвенников.

Владыка Минеон, управляющий Каггикаррской Епархией, был очень добрым и открытым человеком. Количество его подписчиков на Фейспалме превышало 900 000. В миссионерских целях владыка любил фотографироваться с мягкими игрушками, цветами и молодыми парнями.

— Молодёжь — наше будущее. Божие благословение! — не раз говаривал преемник апостолов, назидая вверенных ему батюшек. Те всему радовались и непрестанно молились.

Владыка был человеком даровитым и всё время сочинял музыку. На его счету было более девятисот тысяч песен. Обо всём. Об ангелах, о батюшках, о бегемотах, плюшевых зайцах и ароматном Христианстве.

Однажды епископ Минеон послал епископу Иперехию, управляющему Нарнийской Епархией, подарочный боксет со своими компакт-дисками «Житие мое». Но подозрительный епископ Иперехий на всякий случай в руки подарок брать не стал. Очевидно, не любил молодёжь и наверняка был миссионерофобом.

112

Юный летами и прекрасный ликом пономарь Усфазан очень любил читать всякие рассказы про монастыри и монашество. Часто он представлял, как сам проходит монастырские послушания, тайно упражняясь ночами в молитве и чтении Священного Писания.

Однажды, готовясь к службе, Усфазан остановил проходящего мимо отца Зевина, дабы уточнить у него цвет облачения.

— Какой ещё, собачий сын, голубой? — рявкнул отец Зевин, до смерти напугав отца Кира, входящего в алтарь.

— Ну как же? — пропищал Усфазан.

— Голубые — в монастырях! А цвет сегодняшнего облачения — Богородичный! — стукнул кулаком по своей ладони отец Зевин, после чего сокрушённо перекрестился и отвернулся к отцу Киру, держащемуся за сердце.

Всю ночь юный пономарь не спал, смотря в окно на убывающий месяц глазами, мокрыми от горючих слёз. А наутро от желания поступить в монастырь не осталось и следа.

113

Диакон Фал прожил на белом свете 117 лет, был умудрён духовно и не только. Великая мудрость просилась наружу, и отец Фал завсегда давал ей выход, поучая неоперившихся ещё протоиереев, как правильно слагать пальцы при крестном знамении, исповедовать и носить камилавку. На этом

его попечение о братьях не заканчивалось, и он старался держать их в курсе правильного курса веры православной:

— Вчера по ХренТВ сообщили, что Христос родился на Венере, — рассказывал диакон Фал потрясённым протопопам и пономарям. — Это учёные сказали, по телевизору, а не абы кто и абы где. Вот так-то!

114

Диакон Фал всегда следил за международной ситуацией по теленовостям. А поскольку по его глубокому убеждению никто кроме него не был способен понять, что на самом деле происходит, приходилось просвещать священнособратьев.

— Когда был Карабасский кризис, — делился мудростью отец Фал, — наш секретальный генерал ездил к провидице Манге советоваться, и она велела ему уступить умереканцам. А теперь Манги нет. Никто нас не спасёт, — сокрушённо качал он головой.

Юные протоиереи переглядывались, пребывая в косности ума, а диакон Фал продолжал рассказывать им о пророке Божиим Многострадамусе и недоказанности наукой бытия Самого Господа Бога.

115

Преосвященный Иперехий, окрепнув на своей кафедре, так и не дождался от Господа чуда, подтверждающего Его благоволения о князе Церкви. А поскольку славы Божией в виде облака, наполняющего кафедральный собор, он не был достоин, то ожидал владыка простой золотой дождь. Рассудив в сердце своём, что причина нечудесности — злые люди, а, возможно, и вовсе волсви и прочие художники, Нарнийский святитель от руна и росы уведал, что всему виной суть настоятель собора и протодиакон.

— Воля Всевышнего. Идите от меня, волсви позорные, в сень смертную! — озвучил епископ Иперехий преосвященный указ, для верности тыча пальцем в нужном направлении.

Поелику же ведаёт даже ёж, что всяк человек ложь, стал владыка сам исполнять обязанности настоятеля и протодиакона. Шло каждодневное время, но золотой дождь не спешил проливаться на преемника апостолов. Вернее, он немножко всё же проливался, но был не совсем дождь и не совсем золотой. Богомерзкому порнокоролю Мудману лишь на радость, а владыке токмо на огорчение и недоумение.

116

«Учитывая особое миссионерское значение праздничного богослужения, в день Рождества Христова во всех храмах священникам благословляется надевать все иерархические награды Этрусской Церкви вплоть до митры, каждение же благословляется совершать звездообразно обеими руками двумя патриаршими кадилами».

Раз за разом перечитывая патриарший указ, протоиереи и иереи Нарнийской Епархии ликовали, пожимая друг другу руки, и спешили сперва домой за сбережениями и кредитными картами, а затем — в епархиальный магазин, чтоб выкупить митры, кресты с украшениями и позолочённые, с финифтью, патриаршие кадилами.

— Вот теперь заживём! — радовались они. — Уж теперь-то всяк узнает миссионерское значение Рождества! Ни одна собака не останется во тьме атеизма, сидя в своих домах и стрипбарах, когда мы наденем все награды и звездокрутно покадим в наших храмах!

И только Преосвященный Иперехий не радовался потокам денежных средств в казну, но скорбел, ибо не понимал до конца миссионерского значения праздника.

ИРИНА ОРЛОВА

Быт и бытие Марфы Патрикеевны

Марфа Патрикеевна работала терапевтом в поликлинике № 666 во 2-м Новокузнецком переулке района Замоскворечья. Можно ли назвать великим служение обычного участкового врача? Знай себе принимай пациентов, выслушивай жалобы, выписывай рецепты. Как бы не так! Марфа Патрикеевна возвышалась над прозой жизни, умела приукрасить творческой инициативой любое самое будничное дело, наполнить его мистическим смыслом. Ее сердце просило подвига, дух воспарял к горнему, а ноги были еще не окончательно поражены варикозом, чтобы перестать следовать по стопам Господним. Она знала, в чем суть призвания врача: лечить не тело, а душу. Ибо что такое плоть наша — земля еси и в землю отыдеси, а когда земной дом наш, эта ветхая храмина, разрушится, мы имеем обитель на небесех. Но каковы эти обители будут у ее пациентов? Вот в чём вопрос!

После реформы здравоохранения из поликлиники убрали многих специалистов, и народ стал предпочитать платную медицину. Этих тупых обывателей Марфа Патрикеевна презирала. Они быстро вылечатся и

вернутся вновь к бездумному растительному существованию, даже не осознав, что болезнь – это крест, возложенный свыше, ибо многими скорбями подобает войти нам в Царствие Небесное. Другое дело – пенсионеры, инвалиды, ветераны войны и труда, бывшие узники концлагерей, участники ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Марфа Патрикеевна проведет их по кругам ада за то, что пройдя земную жизнь более чем до половины, они так и не сумели выбраться из сумрачного леса.

По сравнению с прежними временами людей в поликлинику приходило меньше, и по ее пустым коридорам носился метафизический сквозняк. Но Марфа Патрикеевна была рада, теперь она сможет уделять больше внимания каждому больному, ведь любой человек послан нам Самим Христом. Она была добросовестна, помня, что проклят всяк, творяй дело Господне с небрежением.

Нынешний день оказался для Марфы Патрикеевны каким-то блеклым, прямо под стать погоде. Ветер нагнал откуда-то стаи туч, и они, проносясь в вышине рой за роем, бесконечные, безобразные в мутном свете уличных фонарей, надрывали Марфе Патрикеевне сердце. Но она отгоняла уныние молитвой и постом. Марфа Патрикеевна всегда была знатная постница и, находясь в гостях, непременно выковыривала из салата Оливье яйца и колбасу, если он был на столе в неподобающий день. Но в последний месяц она взяла на себя сугубые труды воздержания – по средам и пятницам не есть шоколадных конфет.

У Марфы Патрикеевны была целая философия. В ней имелось два компонента – научный и религиозный. Первый заключался в том, что рост населения земного шара приводит к катастрофическому сокращению природных ресурсов. Людей расплодилось слишком много, и нет хищников, которые пожирали бы их, регулируя баланс популяции. Кто-то должен взять на себя эту глобальную задачу по спасению человечества от него самого. Но кто? Тот, кого в этом можно меньше всего заподозрить. Марфа Патрикеевна поглубже спрятала за воротник блузки висевший у нее на груди кулон с головой черного пуделя, достала из ящика стола маленькое зеркальце и тщательно подкрасила губки. Православие не одобряет косметику, но что делать! Здесь она нужна для благой цели, пользы ради церковной, ведь храмы тоже страдают от обилия народа, и в праздничный день там не протолкнешься.

Второй компонент философии Марфы Патрикеевны – религиозный. Там все было строго по святым отцам. Дело в том, что Марфа Патрикеевна в своих биологических построениях опиралась на концепции современного естествознания и очень этого стеснялась. Ведь Церковь, как известно, гонит науку, если бы не так, то она не сожгла бы Коперника на костре. Но Марфа Патрикеевна была женщиной прогрессивных взглядов и надеялась, что малая толика еретических измышлений ей простится.

А что пишут святые отцы о болезнях? Очень просто! Все — от грехов. Преподобный Пимен Многоболезненный, подвижник Печерский, молился не о выздоровлении, а об усилении своего недуга, потому что тот способствовал его праведности. В силу полученного медицинского образования Марфа Патрикеевна считала возможным классифицировать, какое заболевание за что человеку дается. Например, сегодня с утра на приеме была женщина с кистой в яичнике — так это ей за то, что держит собаку, нечистое животное, в одном доме со святыми иконами и ходит в храм в брюках и с непокрытой головой.

Марфа Патрикеевна делала все, чтобы помочь людям нести их очистительные епитимьи. Она давила в себе остатки сентиментальности. Когда та закрадывалась в ее еще не до конца очерстевшее сердце, Марфа Патрикеевна сердито хмурила брови и повторяла: «Прочь от меня, сатана!» Она была воином и слабость не допускала. С людьми вести себя следовало тонко и беспощадно. Но это для их же пользы! Они — существа неудобные и капризные. Смешно: при этом они еще надеются в жизни на что-то хорошее. А зря! Марфа Патрикеевна слышала, как у дверей кабинета один мужчина сказал другому про нее с уважительным страхом: «К ней нужен особый подход». Марфа Патрикеевна подумала тогда злорадно: «Как ни крутитесь, никуда вы от меня не денетесь! Направления-то все у меня! Потребуется вам кардиолог, невролог или эндокринолог – милости просим сначала сюда! Теперь солнце, луна и звезды поклонятся мне!»

А ведь направления можно и не давать! Например, на УЗИ. Существует даже официальное распоряжение назначать эту диагностику только в крайних случаях, потому что есть оплаченный страховыми компаниями лимит услуг. Так главврач приказал. Но лучше прибавить к этому капельку неофициальности, зачем же все время действовать только в заданных рамках? Можно не давать направления по другой причине: чтобы скорее умерла какая-нибудь немощная ходячая рухлядь, особенно сильно навязчивая, и освободила место сильным и молодым. Ну что ты все ноешь: плохо, плохо! Забыла, в какой стране живешь?

Еще Марфа Патрикеевна умеет раскручивать пациентов на платные анализы. Она научилась этому только недавно, мешала врожденная скромность. Многим ведь невдомек, что почти все должно делаться по полису безвозмездно, а позвонить куда надо и спросить об этом они, лохи, и не догадываются. Марфе Патрикеевне самой от этого, конечно, никакой прибыли, деньги идут в казну, зато для больных спасительно – так потихоньку и исцеляются от страсти сребролюбия.

Пришел сегодня утром к Марфе Патрикеевне один посетитель. В их поликлинике еще не все компьютеризировано, остались пока бумажные карты. Она сразу уловила – робкий, напустила на себя неприступный вид, сидит, сосредоточившись, и какие-то бланки заполняет, на него и не смотрит. Он потоптался рядом, покашлял, уселся на краешек стула и как только начал что-то мямлить, Марфа Патрикеевна подняла свой огненный взор, грациозно изогнула шею и с презрением спросила: «Где ваша карта?» И когда тот растерянно залепетал о том, что в регистратуре ее нет, Марфа Патрикеевна торжествующе заявила: «Вот идите и ищите ее!» — дав ему понять, что разговор окончен. Когда он удалился за дверь, она переложила его карту у себя на столе в самый низ стопки. А что? Как иначе научиться ему смирению? В терпении вашем стяжайте души ваши.

Потом Марфа Патрикеевна засомневалась: не слишком ли круто она с ним обошлась? Отодвинула ящик стола и достала книгу, «Отечник» Игнатия Брянчанинова, и пробежала глазами отрывок про авву Арсения. Старец, желая испытать Арсения, бросил ему во время трапезы сухарь прямо на пол. Арсений подумал: «Старец, словно ангел Божий, знает, что я хуже пса, потому и подал мне хлеб так, как подают его собакам: съем же я хлеб подобно им». Он встал на четвереньки, подошел к сухарю, взял его устами, отнес в угол и там употребил. Отцы решили, что Арсений сделается искусным иноком. «Да, нет, все правильно», — успокоилась Марфа Патрикеевна. «Наоборот, надо быть мне еще построже». И она вызвала следующего пациента.

Ближе к обеду Марфа Патрикеевна разогрелась и вошла в раж. Она ловко сумела спрятать бумажку с анализом одной женщины, в котором число лейкоцитов значительно превышало норму. Женщина, худая и бледная, застенчиво сидела перед ней. Ее руки нервно теребили сумочку. Марфа Патрикеевна быстро и незаметно сунула листок с данными в какую-то папку, и заявила больной: «У вас все нормально! Идите-идите!» Затем выпроводила ее из кабинета. Та ушла, несмело улыбаясь, еще не веря, что наступило улучшение. Хорошо, что Марфа Патрикеевна сумела облечь ее в

ризу радования, помазать елеем благоутробия, а уже костлявая рука смерти сама все расставит по своим местам.

За полчаса до окончания приема Марфа Патрикеевна успела одному подслеповатому старичку прописать дозу раунатина в три раза больше обычной, надеясь, что он не сумеет прочесть на упаковке инструкцию по применению. Наверное, его родственники уже заждались, когда он оставит им свою жилплощадь. Насильственная смерть вменяется жертвам в мученичество, и они именуются в святцах страсотерпцами.

Вечером Марфа Патрикеевна ходила по вызовам. Она нарочно не разувалась у дверей и не надевала бахилы, чтобы оставить побольше следов грязи на полах. Пусть потом вытирают, ведь городским жителям не хватает физической активности, поэтому они тянутся во всякие тренажерные залы. И об этом Марфа Патрикеевна позаботилась, устраивает жильцам мини-фитнес! Да еще если будет кто-нибудь из них ползать с тряпкой по полу, а у него, хоп, и прихватит поясницу. Вот тогда он выключит телевизор и задумается о вечном! В квартирах Марфа Патрикеевна обычно оглядывалась по сторонам, определяла уровень жизни семьи и старалась что-нибудь стащить. Примерно на ту сумму, которая составляет десятину их ежемесячных доходов, которые эти свиньи не жертвуют на Божий храм. Кто же подумает на врача! Они сами скорей перессорятся, обвиняя друг друга в пропаже. И это урок им: не собирайте сокровищ на земле!

Но на этот раз в одном доме Марфа Патрикеевна отступила от правил и унесла с собой только свадебную фотографию в лакированной рамке с инкрустациями. Она незаметно схватила ее с тумбочки и сунула в сумку. Больной в это время находился в прострации, откинувшись на подушки, а его жену она отослала на кухню за чайной ложечкой, будто бы у нее самой нет палочки, чтобы посмотреть горло. Марфа Патрикеевна ненавидела свадьбы, понеже бо нефига людям размножаться, когда ее, Марфы Патрикеевны, единственная дочь восемнадцать лет назад умерла от менингита. Она выбросит чужое фото и поместит в рамку портрет своей дочери.

После работы Марфа Патрикеевна отправилась в церковь на всенощную. Она чуть не забыла, что завтра праздник – Обрезание Крестителя Господня Иоанна. В храме было тесно, жарко плавилась свечи, и восковые струйки стекали на пальто и куртки прихожан. Марфа Патрикеевна знала, что во время богослужения нельзя быть рассеянной, поэтому внимательно разглядывала прихожан. Она ставила им диагнозы, не физические, чего там

заметно под одеждой, а психиатрические, потому что пороки каждого отражаются на лице. Ведь жители этого района – ее потенциальные клиенты. Прихватит у них печень, почки, селезенку, прибегут они к ней, тут-то она их горяченькими возьмет и поведет к покаянию. Как побегают они по этажам поликлиники, небо с овчинку покажется, сразу почувствуют себя в руке Божьей!

Марфа Патрикеевна стояла перед иконой Христа. Он смотрел на нее задумчиво и грустно. Она дрогнула перед этим взглядом, смутилась и опустила глаза. В тот момент священник вышел на середину церкви и начал читать евангельское зачало, в тот день была еще память Богородичной иконы. «Марфо, Марфо!» – произнес он зычным голосом, и у Марфы Патрикеевны ёкнуло сердце. «Печешися и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу...» Марфу Патрикеевну что-то кольнуло слева в груди, защемило, вызвав приступ непонятной тоски. «Да, верно, много у меня в жизни хлопот», – обреченно подумала она. – Все трудишься и трудишься для этих оглоедов, – она обвела глазами собравшихся, – а им хоть бы что! Ишь, стоят, болезные мои, родненькие, – ощутила она незнакомое раньше умиление. – Жить, небось, все хотят и от суда Божьего улизнуть прямо в райские кущи. А может, помиловать их? Устала я чего-то... Пусть Господь Сам с ними разбирается. В этой суете и о душе своей некогда подумать».

Через год Марфа Патрикеевна была пострижена в монашество с именем Малания в обители в честь Искушений святого Антония. Ей было отрадно, что она, старая кошелка, сподобилась стать невестой Христовой.

ВИКТОР СМОЛЕНСКИЙ

Комар епископа Луки

(отрывок из неопубликованного романа «На реках Вавилонских»)

Если доведется увидеть вам портрет архиепископа Семиозерского Луки несравненной кисти Аркадия Лодочкина, художника и моего приятеля, не рассматривайте долго владычное лицо, написанное в подражание скульптурам достойнейших римских императоров. Опустите взгляд на окладистую бороду. В ее благороднейшей седине, почти прямо под подбородком вы заметите крохотную черточку, как бы темное пятнышко. Это не лишний мазок художника, не случайный огрех. Посмотрите на нее под увеличительным стеклом. Вы обнаружите, что черточка, увеличенная в размерах, имеет шесть тончайших лапок, совсем незаметных

невооруженным глазом, головку с усиками и длинным хоботком-жалом; тельце не сплошь темное, а с красноватой прожилкой. «Да это же... комар!» — воскликнете вы и не ошибетесь.

Да, это знаменитый комар епископа Луки. Он появился у владыки благодаря сказке священника Петра Верхушкина. Сказку Верхушкин сочинил, но вышла она столь правдоподобной, что люди, общаясь с преосвященнейшим владыкой, пристально всматривались в его бороду. Даже высокое начальство выискивало комара в бороде епископа. Владыка был в ярости; Петруша Верхушкин отныне прозябал на беднейшем сельском приходе, анафематствованный, что, впрочем, неканонично, а комар... продолжал жить. Владыка советовался с самим митрополитом Фалалеем, не остричь ли ему бороду наголо. Его преосвященство поносил род Верхушкиных до третьего и четвертого колена, но комар оказался жив даже после своей мученической смерти. Верхушкин составил его житие, а Аркадий Лодочкин не упустил возможности прославить себя в веках. Ибо мню я, что пока помнят будут Семиозерского владыку, не забудут и его комара.

Комар сей, по слову Верхушкина, родился в обычной комариной семье; неизвестны ни место его рождения, ни предсказания о нем или дивные знамения при появлении комара на свет. Неведомо нам и то, какими путями проник комар в архиерейские покои. Но, залетев в кабинет его преосвященства, комар притаился, а потом принялся за свою работу. А работа у комара известно какая — кровь пить.

Слышит епископ, что летает в его покоях комар, приказывает иподиаконам:

— Изловить комара!

Иподиаконы рады стараться, ищут его, только комар не глуп оказался. При виде опасности спрятался он в архиерейской бороде.

— Истреблен комар, — бойко докладывают иподиаконы, а сами думают: «Низко наше служение пало! Совсем низко! Комаров ловим...»

— Благо вам, благо вам, — отвечает епископ, довольный.

Уселся он почитать деловые бумаги, и слышит явные признаки того, что дерзко обманут...

— Бездельники! — кричит владыка. — Комар жив!

Бегут иподиаконы со стремянкой, осматривают стены и потолок. А комар спрятался в бороде да помалкивает. Ищут его, ищут; неловко признаться

иподиаконам, что не нашли они комара. Не решаются и обмануть. Почесал старший иподиакон затылок и говорит:

— Ваше преосвященство, чин нужно исполнить на изгнание сего насекомого. Может быть, не комар это, а сила...

— Экий ты валенок, — с гневом возражает владыка, — я, по-твоему, комара от беса не отличаю? Разжалую в пономари, в порошок сотру, если не изловите комара.

Приуныли иподиаконы, ибо требует владыка не смерти комара, а отлова насекомого. Прислуживать каждому хочется, а тут... Проклятый комар!

— Знаю я, что сделать, — сказал старший иподиакон. — Знаю я, как изловить комара. Беги, Сашка, во двор да излови комара, какой попадет. У всех у них одна морда, не отличишь ни мужеский пол, ни женский.

Прибежал Сашка с комаром в руках, передал его старшему иподиакону. А тот несет комара владыке.

— Изловили, ваше преосвященство!

— Наказать! — приказывает владыка.

— Каким образом? — интересуется старший иподиакон.

— Казнить, непременно казнить.

Рвется комар из рук старшего иподиакона, но не тут-то было! Уменьшился род комариный на одну особь. А владыка снова уселся за стол свой, дел у него много было.

Не успели иподиаконы отпраздновать комариную смерть, как слышат из архиерейского кабинета:

— Обманщики... Всех... всех выгоню...

— Что случилось? — спрашивает старший иподиакон, а сам дрожит от страха.

— Комар! Комар жив!

— Не может быть, владыка. Истреблен по вашему приказанию.

— Истреблен, еще как истреблен! Вот он, гад, летает у твоего левого уха.

Схватил владыка старшего иподиакона за правое ухо и перстом своим показывает на летающего комара.

— Что сие, по-твоему?

— Комар, ваше преосвященство.

— Изловить и поместить в банку. Банку накрыть крышкой и принести мне для обозрения.

Только в сказках сладок мед иподиаконов! Мучились они, мучились, а комара не изловили. Встали в ряд на коленях перед владыкой, головы долу склонили, плачут и каются:

— Бессильны мы перед комаром этим, не вели гнать нас, а миловать.

— Не за что миловать вас, — ответил владыка и отослал служек от видения глаз своих.

А комар, как только тишина наступила, вылетел из бороды и кружится над архиереем.

— Вот что, комар, — сказал владыка, — раз ты такой... такой неуловимый, разрешаю тебе жить в моей бороде, но с условием: не докучай мне. А кормить я тебя сам стану, на пищу жалобиться не будешь.

Не ответил ему комар, потому что не умел говорить человеческим голосом, но все понял, прилетел и спрятался в архиерейской бороде. И стал отныне в ней жить.

Встречается владыка с лицами важными, приказывает комару: «Сиди тихо, не мешай ни мне, ни моим собеседникам». Внимает комар, спит в архиерейской бороде. А когда владыка попов принимает, комару раздолье! Говорит ему владыка: «Уж полакомься вдоволь! Пососи, комар, кровушки поповской».

— Не услышал, владыка, что сказать изволили? — переспрашивает священник, недоумевая, зачем владыка поглаживает бороду и что-то говорит под нос.

— А я не с тобой разговариваю, — отвечает владыка.

Оглядывает священник кабинет — вдвоем они с епископом. С кем бы ему говорить? Не с ангелами ли беседует архипастырь? А пока священник недоумевает, комар знает свое дело!

Понравилась комару жизнь вольготная, хоть и по распорядку: ест да спит, спит да ест, бед не знает, с сородичами не общается, род свой не приумножает. Как тут не возгордиться? Страсти и у людей, и у комаров имеются! Лень стало комару слушаться приказаний архиерейских, поспит он, да и вонзит хоботок в архиерейскую щеку. Терпел владыка комара, но

однажды не выдержал и – хлоп себя по щеке. Так и не стало комара среди живущих на земле. Но провел он в архиерейской бороде немало времени, по комариному, конечно, летоисчислению, и немало попил крови священнической. Потому и не забыт комар, и вошел в историю изящного искусства.

АЛЕКСЕЙ ПЛУЖНИКОВ

Великая цивилизация Мумбу-Юмбу

В племени Мумбу-Юмбу жизненный уклад был вечен и неизменен. Мумбы брали в жен юмб, в своих хижинах делали с ними по ночам мумбу-юмбу, а некоторые развратники – даже юмбу-мумбу. От этих ночных актов рождались мумбики или юмбики, как даст Великий Мумб. А в остальное время племя жило, как и положено жить: собирали с пальм мумбаны, ловили в заливе юмбимонов, молились Великому Мумбу, Который по своей благости посылал на их жаркий остров то цунами, то смерч, то засуху, то пиратов. Мумбы-юмбы принимали всё ниспосланное с благодарностью и радовались, что хотя бы не извержение вулкана, который находился в центре их островка.

Правил племенем и всем островом Великий Вождь Мумбос. Правил, как и положено, долго, справедливо и мудро. Поэтому подданные видели его время от времени, лишь тогда, когда их приглашали на Великий Обед Великого Вождя Мумбоса. Приглашали обычно одного-двух. Которые пожирнее.

И все на острове текло своим чередом, с естественной убылью населения на Великий Обед, но и с прибылью от ночных актов, так что перенаселенность острову не грозила, как и вымирание.

Но однажды случилось нечто, изменившее жизнь племени навсегда. К острову на надувном плоту прибило потерпевшего с Железной Птицы. Эти Железные Птицы время от времени пролетали где-то далеко в небе над островом, оставляя за собой белый след. Все мумбы и юмбы верили, что это Великий Мумб посылает своих вестников куда-то, поэтому все выбегали из хижин и задирали вверх черные зады, поклоняясь посланникам.

Великий Вождь Мумбос с почестями принял посланника Железной Птицы Великого Мумба. Того откормили, вставили в уши раковины, а в нос – кость, научили языку племени. Великий Вождь Мумбос часто беседовал с

посланником, которого звали странным именем Блогер. Через три месяца был вновь праздник Великого обеда Великого Вождя Мумбоса, на который, конечно же, был приглашен Посланник Блогер.

После Великого обеда череп Посланника Блогера был торжественно выкрашен и поставлен в святилище, а Великий Вождь Мумбос обратился к народу с посланием. Послание гласило, что Великий Мумб послал народу Мумбу-Юмбу Посланника Железной Птицы – Блогера неслучайно. Отныне в племени Мумбу-Юмбу согласно воле Великого Мумба и решению Великого Вождя Мумбоса провозглашается полная цивилизация. В связи с этим народу Мумбу-Юмбу даруются новые свободы, права и привилегии, как-то:

— избирать Великого Вождя Мумбоса на новый срок каждые сто лет.

— избирать и быть избранным в Мумбусъемы, то есть принимать участие в Великих обедах Великого Вождя Мумбоса с другой стороны стола, до тех пор, пока не будет выбран новый мумбусъем. Выборы нового мумбусъема назначаются перед каждым Великим обедом, а старый мумбусъем уходит в почетную отставку, и его череп красится и выставляется под столом, за которым происходит Великий обед.

— для укрепления нового права и свободы выборов в мумбусъемы назначаются новые свободные, равные и братские налоги в пользу казны Великого Вождя Мумбоса.

Народ Мумбу-Юмбу возликовал, услышав о цивилизации, и на радостях сделал много новых актов мумбу-юмбу и юмбу-мумбу среди бела дня, а некоторые особо развратные даже совершили мумбу-мумбу и юмбу-юмбу, не скрываясь в кустах. Поговаривали, что в пещере на склоне вулкана был совершен тайный акт мумбу-мумбу-мумбу-юмбу-юмбу-юмбу, в общем, то, чего не бывает в приличном племени. Но столько странным слухам верили с трудом.

Цивилизация на острове сделала резкий рывок вперед, когда Великий Вождь Мумбос внес поправки в закон о выборах мумбусъема: он разрешил избирать и быть избранной в юмбусъемши! На тех же условиях, что и в мумбусъемы, только череп почетной юмбусъемши было решено не красить, а использовать в качестве чаши для вина во время Великого обеда.

Цивилизация на острове совсем уже собралась ускориться до скорости Железной Птицы (хвала Великому Мумбу!), когда встал вопрос об участии в Великом обеде юных мумбиков и юмбиков.

Но достичь своего пика цивилизация народа Мумбу-Юмбу не смогла: в ночь после принятия резолюции об участии мумбиков и юмбиков в Великом Обедне случилось неожиданное извержение Великого Вулкана, лава и пепел из которого уничтожила все живое на острове.

Было ли извержение Великого Вулкана актом благоволения Великого Мумба к своему цивилизованному народу, или же это был акт милосердия – знает один лишь Великий Мумб, ему же хвала, мумба и юмба во веки веков.

Ум духовный

Петя и Маша задумчиво сидели на диванчике. Они только что помолились о вразумлении перед иконой «Прибавление ума», но они знали, что рациональный ум – это дело плотское, суетное, а вот ум духовный – это то, чего им сейчас не хватало.

— Может, батюшке позвонить? – стыдливо предложила Маша.

— Ага, — Петя поскреб реденькую бородку, — духовнику больше делать нечего — на наши вопросы отвечать, да еще такие. Подумает, что мы это... ну, подумает чего-нибудь. Что мы инфантильные, вот!

Маша потупилась, стала перебирать руками толстую косу, перекинутую через плечо:

— А я уже спрашивала его... На исповеди в субботу вечером...

Петя ахнул:

— Спрашивала?.. И что же он сказал? – с плохо скрытой надеждой спросил он.

Маша еще больше потупилась:

— Ничего... если по правде, то он... заржал. Ну, засмеялся очень...

Петя укоризненно покачал головой:

— Ну разумеется! Сама подумай: я уже два года как катехизатор на приходе, а ты в воскресной школе преподаешь – и вот теперь сами не можем узнать такой простой вещи! Вот ему и смешно: он, наверно, так хотел тебя подтолкнуть еще тщательней поискать в Правилах Василия Великого или еще где – не знаю! В Номоканоне?..

— Петь, ну а, может, раз мы помолились, то Господь вразумит? Ну давай, подумаем логически...

Петя вздохнул безнадежно:

— Ну давай. Итак, что мы имеем: нельзя в пост – это понятно. Нельзя под воскресенье и праздники, нельзя под среду и пятницу – так?

— Так...

— Так. Но КАК нельзя – вот вопрос! С полуночи нельзя? Но праздник начинается ведь со всеобщей? Значит, со всеобщей нельзя! Правильно?

— Правильно... Только вот... В городе всеобщая где-то в 18, где-то в 17, где-то даже в 19 – в монастыре. А у мамы в деревне вообще начинают летом в 16, а зимой – в 15! И как понять?

— Вот именно! – обхватил голову руками Петя. – Мы возьмем за основу всеобщую нашего прихода – 18 часов, а потом приедем в гости к твоей маме – а там в 15! У них же в декабре уже в 15?

— В 15, – покорно кивнула Маша.

— Ну! – продолжил логическое мышление Петя. – Допустим: мы в деревне, всеобщая в 15, значит, в 15 уже нельзя.

— Конечно, мы же уже на всеобщей будем... — проявила Маша способность к логике.

— Хорошо: а в 14 можно? Как-то нехорошо ведь: после этого через полчаса бежать в храм?

— Нехорошо... — покраснела Маша.

— А в 13 – хорошо?

— В 13 мы обедаем.

— А в 12? А в 11? А с утра?! – продолжил неумолимо Петя.

— С утра, я думаю, можно, — улыбнулась Маша. – С утра хорошо...

— Чего хорошо?! А ты забыла: «Востав от сна, прежде всякого другого дела, стань благоговейно, представляя себя пред Всевидящим Богом...» Проснулись – на правило утреннее надо вставать!

— Ну да...

— Да! А после правила... да? Нехорошо...

У Маши задрожали губы:

— А когда ж ХОРОШО?

Петя пожал плечами:

— В воскресенье вечером хорошо – под понедельник. Хотя... А когда же воскресенье заканчивается?.. Ой, Господи...

— Не суесловь, — одернула его Маша. — Накажет ведь.

— Прости, Господи! Но ведь опять: когда можно? В полночь или с началом вечерни понедельника?

— В полночь я уже спать хочу... — печально сказала Маша.

— Так и мне на работу вставать в полшестого!

— Петя, а Петь...

— Ну?

— А под вторник — ХОРОШО?..

Петя почесал бороденку гораздо бодрее, что-то быстро прикидывая в уме:

— Ну, под вторник, если нет праздника... Кстати, а какого праздника?..

Полиелей считается уже? Полиелейные службы ведь часто...

Маша заплакала. Петя угрюмо теребил бороду, кусая губы.

— Спать пора, — наконец сказала Маша, промокнув мокрые глаза широким рукавом ночнушки. — Я ложусь.

— Да-да, — рассеянно протянул Петя и подошел к ноутбуку. — Ты ложись, а я пока зайду в «Елицы», там есть раздел «Вопросы семейной жизни» — поищу там...

Петя уткнулся в ноутбук. Маша легла лицом к стене, закрыв глаза. Она вдруг вспомнила их первый поцелуй. Он был такой сладкий... Конечно, ведь они тогда оба только что выпили из общей чашечки сладкого кагора, который им дал батюшка, по три раза, Петя допил остатки.

Потом была первая брачная ночь. Они всю ночь пели вдвоем акафисты, чувствуя себя на небесах... Брак свят и ложе непорочно...

Прошло уже три месяца. Их ложе все еще было непорочно.

В бронзе

Он открыл тяжелые веки. Холодно. Темно.

Поднял тяжелую руку, сдернул ослепляющую ткань с лица.

Вокруг тоже было темно, но уже не так. Морозный воздух, луна, подсветка огромного храма.

Никого вокруг. Только несколько фигур стоят в ряд, молчаливо и неодобрительно глядя в никуда.

Он спустил ногу с пьедестала и шагнул в снег.

Еще никогда он не ходил пешком по пустынной ночной Москве. Да и вообще никогда не ходил. Поэтому пару раз его тяжелые ноги разъехались на обледеневшей соборной плитке, и он чуть не рухнул на тротуар, но удержался, опершись на посох. «Чтоб тебя!..»

До его цели идти недалеко, но для него не было времени, была только цель.

Он проснулся в липком поту. Темно. Почему-то холодно, хотя он любил спать в жарко натопленной спальне, укрываясь лишь простыней. Потому и темно, понял он и сорвал простыню с лица.

В комнате тоже было темно. Грохотало сердце, скованное непонятным страхом. Инфаркт сейчас стукнет?..

Но мерные удары продолжали бить, приближались — шаги! Шаги за дверью: тяжелые, уверенные, смертельные... Он потянулся было к звонку вызова келейника, но звонок не отозвался, сколько бы он ни нажимал.

Тогда он все понял: это конец. «Наверняка Тихон подослал убийц! Недаром была вся эта возня: „будущий патриарх Тихон Второй!” Вот тебе и лубянский батюшка! Господи, Господи! Избави! Пришли ФСО! Хотя если это Тихон — то и ФСО не приедет... Мать Божья! Заступи! Все святители, угодники, новомученики — спасите!» Он хотел было выскочить из кровати и забиться в шкаф, но все тело заледенело и не двигалось. Паралич? От страха или уже вчера чем-то опоили?..

Ручка двери спальни медленно повернулась. Дверь открылась.

Он хотел закричать, выплеснуть свой страх, когда увидел вошедшего, но только хрипы вырывались из онемевшего горла...

Они смотрели друг на друга: один — с широко раскрытыми от ужаса глазами и отпавшей челюстью, другой — слегка наклонившись и опершись на посох, — смотрел холодно и внимательно. Наконец пришедший промолвил:

— Ты больше не нужен.

Он вытянул руку и слегка толкнул указательным пальцем в лоб того, кто полулежал в постели. Тот, второй, почувствовал невероятный холод прикосновения, хотел было закричать, но крик умер в его мозгу. И сам он как бы умер — окостенел, оледенел, стал бронзовым...

Во все епархии пришел указ из патриархии:

«Перед каждым кафедральным собором благословляется поставить бронзовый Памятник Патриарху. Назначить дату празднования дня прославления Памятника — на первое февраля. Литургия в день Памятника начинается с каждения, пения величания и крестного хода вокруг Памятника.

Текст величания:

Величаем тя, Святый Святейший Памятнице Святейшему,/ И чтим бронзу, вес и величину твою,/ Ты бо с Церкви мзду собираеши,// И укрепляеши величие свое.

Ко Дню Памятника Патриарху каждая епархия обязуется прислать в патриархию тонну бронзы на нужды Церкви».

На службе в Храме Христа Спасителя епископы озабоченно перешептывались между собой, опасливо посматривая в сторону Патриарха, возвышавшегося посреди храма. Тот неподвижно и мрачно стоял на кафедре, которую с недавних пор сделали на три метра выше уровня пола, отлив ее в чугуне — знаменитое каслинское литье, с Урала. «Что-то Святейший последнее время как-то... забронзовел?.. Как думаешь, владыко?» — «А по-моему, все к этому и шло. Ты, кстати, Памятник-то уже поставил?» — «Дак уже и освятил, все дела. Пятиметровый». — «Ишь! А у меня отливают только четырехметровый, эх...» — «Ну, я все-таки митрополит, а у тебя епархия маленькая. Ничего, не рассердится, мню. Главное, бронзу в Москву не забудь прислать». — «Да как тут забудешь... Что я, враг себе?..»

Вмешался третий, недавно рукоположенный: «Владыки, но ведь как величественно смотрится! Какая мощь, какая сила! Это ведь так... исторично! Ведь так и должно быть: раз Патриарх — значит, в бронзе! Значит, достоин! Ведь сияет — солнце веры нашей, а?!» — «Сияет, гм, да, тут уж не погрешь — сияет...»

Патриарх в ужасе вновь открыл глаза. Попробовал пошевелить безнадежные парализованные руки — удалось! Онемение медленно спадало. Он нажал кнопку звонка. Через минуту в комнату влетел заспанный келейник.

— Машину! Живо! — прохрипел Патриарх. — Со мной поедешь! Дай подрясник и помоги мне встать...

Около Храма Христа Спасителя было тихо и темно. Немудрено: четыре часа еще только, для зимы — глубокая ночь.

Патриарх вылез из машины и, опираясь на посох, заковылял к южной стороне собора — ноги еще не совсем отпустило, он с трудом двигал онемевшими ступнями.

Ну, вот и Он. Накрыт белой тканью. Завтра его («меня!») собираются торжественно открывать.

Патриарх со страхом приподнял ткань и заглянул внутрь.

Мертвые глаза Памятника смотрели в никуда. Ледяные бронзовые пальцы сжимали посох.

ПРИХОЖАНИН (анонимный автор)

Один день из жизни Марьи Денисовны

Проснувшись ни свет ни заря, Марья Денисовна, а попросту бабка Маня, первым делом протянула руку за гороскопом в бесплатной газетке, чтобы выведать, что готовит день грядущий ей самой и её несметным родственникам и соседям. Убедившись, что ничего плохого ей не грозит, а гороскоп сулит даже романтический вечер при свечах, баба Маня, вполне довольная своей участью, поднялась с кровати, невнимательно помахала рукой у картинке «искушение святой Терезы», умылась, приговаривая «чур меня от водяных, всех русалок и иных», и затем долго подслеповато изучала

две «полторашки», в которых у неё хранилась святая вода. В коричневой бутылке с этикеткой «Уральский мастер» была Богоявленская вода, а в зеленой с наклейкой не по-нашему «Kozel» — Крещенская. Пуще всего на свете баба Маня боялась перепутать эти воды, поэтому она напрягла остатки памяти и вспомнила, что сегодня среда, Иудин день, стало быть, пить следует Богоявленскую.

Выпив Богоявленской и обеспечив себе день без болячек и дурного глаза, баба Маня для вящей убедительности прослушала гороскопы по местному радио и по федеральному телеканалу. Радио обещало проблемы с простатой, а телевидение накаркивало риск за рулём. Баба Маня не знала, что такое простата, но приуныла и решила ни за какие коврижки не садиться сегодня за руль, тем более, что машины у неё никогда не было, равно как и водительских прав.

Затем баба Маня встала на утреннее правило: «молитвами святых отец наших ...» — тут зачем-то вспомнился зять, сделавший ей ремонт за свой счёт, но выпивающий каждое воскресенье чекушку, алкаш проклятый, чтоб он сдох, — «...и паче снег убелюся», — потом всплыло лицо снохи, делающей у бабы Мани уборку раз в неделю и носящей ей продукты, но всё равно падшей девке, чтоб она сдохла, — «...ослаби, остави...» — пришёл на память образ покойного супруга, которому она давно не приносила на могилку просо, яичную скорлупу и стопку с черным хлебом, алкашу неблагодарному, чтоб он сд., чтоб ему ни дна ни покрывки, — «...да не похитит мя сатана...» — поплыли ненавистные лица племянников, золовок, деверей, снох, зятьёв, мечтающих захватить её трёхкомнатную квартиру, соседей, чтоб они сдохли, — «...и всех сродников, начальников, наставников, благодетелей и всех православных христиан».

Полтора часа баба Маня священнодействовала над рассадой, разговаривая с ней, как учила растрёпанная тётка в телевизоре, пока в истошном лае-визге не зашелся её любимец — пучеглазый, трясущийся от злости ко всему существу той-терьер Адам, бросающийся во дворе преимущественно на женщин, стариков и детей. Животное требовало воли, и баба Маня поспешно вывела его на улицу.

Там баба Маня благодушно наблюдала, как Адам делает свои дела на клумбах и газонах, яростно расшвыривая землю и цветы, а затем методично со зловещим наслаждением метит все четыре угла стелы Воину-победителю.

Облаяв вместе с питомцем какого-то негодяя, посмеявшегося сделать им замечание, баба Маня с удовольствием отметила, что Адам, несомненно, милее и роднее ей, чем все эти проклятые родственники.

В подъезде Марья Денисовна досконально, не таясь, изучила квитанции всех соседей, торчащие из почтовых ящиков, разорвала на мелкие клочки некоторые из них, из тех квартир, где особенно шумели детишки и проживали пьяницы несчастные, чтобы им подохнуть.

Дома баба Маня посыпала чёрный хлеб четверговой солью (среда, Иудин день, чтобы ни-ни), отобедала с кипятком и уселась за пасьянс, попутно поглядывая в телевизор, где доярки с бабочками на поясных покоряли Москву, немедленно влюбляя в себя мачо-олигархов, в роддомах перепутывались и похищались младенцы, матери после двадцати лет комы оказывались ложными, из могил карабкались мертвецы, политологи-колдуны пророчили смерть Украине и Америке, галдели птичьи базары депутатов и директоров каких-то мифических институтов, мелькали ноги саломий-плясуний, звучали слащавые голоса бесполок существ и приторных невсамделишных детей и на всех кнопках хором проклинался этот ужасный, плохой парень Сталин.

Поплавав от радости за доярок с бабочками, пережив чужие фальшивые ужасы и потратив на это пять часов своей единственной и утекающей жизни, стала собираться на вечернюю службу в церковь: с умилением провела пальцами по корешкам бесчисленных акафистов, с боями добытых у мощей различных святых, периодически привозимых в мегаполис (хотя мощи тех же святых и те же акафисты вот уже 30 лет находились в церкви на соседней улице), намотала потуже три платка, надела юбку в пол, перекинула через тело портупею, в которой лежало Евангелие со склеенными в типографии страницами, и, поплевав через левое плечо, отправилась в родную церковь.

По пути ей попала пустая бабка с не менее пустым ведром и перебежала дорогу чёрная кошка, но бабу Маню с толку не собьёшь, она не зря сто лет при церкви: бабку она прокляла, а после кошки немного постояла, пока не прошёл какой-то неверующий дуралей-атеист.

В церковной лавке баба Маня решила, что сегодня она порадует Бога, и приобрела свечку не за 20 рублей, а за 25. От молебна на сошествие Святого Духа баба Маня с благородным негодованием отказалась: зачем ей сошествие, если Он из неё и не изществовал?..

Усевшись между двумя своими приятельницами, баба Маня с удовольствием подумала, что оказаться между двух Руфин – большая удача, к денежному притоку, и что оберег от порчи не забыт дома и лежит в кармане, рядом с ладонкой и камешком от рака, и что служит сегодня старец, сорокалетний отец Сидор, не то что эти безблагодатные, безбородые юнцы, у отца Сидора одна борода чего стоит, знатная, святая борода, кофту связать можно и пояс на больную спину.

Затем баба Маня затеплила свечу (за 25!) и снова порадовалась: та не закоптила, а значит быть сибирскому здоровью и кавказскому этому... как его...

Два с половиной часа подруги спорили, как лучше приготовить целебные верёвки, которыми связывают руки и ноги у покойников: беззубая Руфина настаивала, что варить надо четыре часа и вкушать с подсолнечным маслом, Руфина с протезированным ртом утверждала, что достаточно трёх часов и батюшки благословляют верёвки с постным майонезом; а баба Маня помалкивала: макароны с кетчупом нравились ей больше, чем верёвки с постным маслом, и умирать она собиралась через 120 лет не от заворота кишок, а от святости.

Временами, когда отец Сидор начинал выкрикивать ектеньи особенно зычно и благодатно, старушки поспешно крестились и, не вставая, трогали пальцами пол. Отвлекались они от беседы и тогда, когда свечку ставили девицы в непозволительных куцах, наглых и циничных юбочках или отставные инструкторши райкома в брюках и без платков. В неравной борьбе с этими безбожницами бабушки не щадили нервов.

После помазания старые приятельницы трогательно расцеловались и, не сговариваясь, заметили, какая их коснулась благодать. А завтра навалится ещё большая благодать – завтра всем трем предстоит приобщиться Святых Таин!

Придя домой, баба Маня снова провела Адама по памятным местам, попила кипяточку (сегодня среда, Иудин день, ни-ни!), рассеянно помахала рукой у картины «искушение святой Терезы» и с чувством не зря прожитого благочестивого дня стала умиротворённо засыпать со счастливой улыбкой: как всё-таки славно и богоспасаемо, что она, Мария Денисовна Санпауль – церковная староста!

ГЕННАДИЙ ТРАВНИКОВ

Сила молитвы

Хочу спросить тебя, читатель, веришь ли ты в силу молитвы? Если веришь, то правильно делаешь. Я тоже верю, и жизнь наша регулярно и неотвратимо это подтверждает.

Для начала вспомним небольшую притчу или некий анекдотец, что, в общем, одно и то же, только в притче серьёзу больше, чем смеху, и она несомненно может научить чему-то полезному любого, желающего учиться.

Не желающему учиться притча ничего не скажет, и он пройдёт мимо, не впитав дозу мудрости, и останется таким же, как и был, дураком, на что он справедливо и оставлен. Но мы с вами не будем уподобляться последнему и пойдём дальше в наших рассуждениях. Так вот, притча.

Прошу не обращать внимания на небольшие логические допущения и не полное соответствие исторической правде, ведь это не самое главное. Это форма, а нам важна суть.

Была в некотором уездном городе Энке замечательная улица. Называлась она «Благочестивая». Всё, что положено для центральной улицы города, на ней было. И городская управа, и суд, и банк, и почтовое отделение, и выметена она была всегда тщательно, и даже деревца вдоль дороги посажены были.

В самом центре улицы стоял белокаменный православный храм Архистратига Михаила. Архистратиг, кто не в курсе, это по-военному примерно соответствует нашему генералиссимусу. Служил в этом храме некий поп Иона. По праздникам на служение в храм собирался чуть не весь город, а особенно начальствующая его часть, с жёнами и детьми своими вместе. Таким образом, жизнь в городе текла своим чередом, не омрачаясь до поры большими несчастиями.

Но как это часто случается в жизни, несчастия приходят внезапно. Порой даже незаметно, и как бы исподтишка, ничем себя вначале не проявляя. В самом конце улицы, на пустыре у речки однажды летним тёплым утром началось строительство некоего здания. Когда стройка поднялась до второго этажа, горожане стали справедливо интересоваться назначением сего сооружения и выражали озабоченность увеличивающейся его высотой, в сомнении, не будет ли оно в итоге выше храма, что в их понимании было вовсе недопустимо. Когда третий этаж стали закрывать крышей, все немного

успокоились, но о назначении данного учреждения по городу ходили слухи один страшнее другого.

В некотором смысле они оправдались, когда на здании появилась вывеска «Кабак». Надо сказать, что многие горожане обрадовались такому заведению, но были и некоторые, кто считал недопустимым его присутствие на центральной улице с названием «Благочестивая», тем более в непосредственной близости от храма.

Открытие состоялось глубокой осенью, как-то после обеда, и пришедшие на это мероприятие обыватели были в хорошем смысле шокированы роскошью убранства, перечнем напитков, как в столице, и самое главное тем, что находилось на втором и третьем этаже этого, не побоимся такого громкого слова, гнезда разврата и удовольствия. Там находились номера. Для уездного города такое заведение было в ту пору в диковинку и не обещало устроителям большого дохода ввиду малочисленности жителей.

Активная и разгневанная часть горожан бросилась, было, в управу, но там быстро выяснилось, что всё дело устроено законно, оформлено безупречно и все мамзели в количестве трёх штук регулярно проходят медосмотр.

В воскресенье в соборе, после литургии, был созван приходской совет. Повестка дня была одна: «Скорое наступление апокалипсиса», признаки которого всеми определялись как очевидные и несомненные.

Было принято решение молиться Богу об уничтожении этой Синагоги Сатаны любыми доступными Ему средствами.

Кабакком владел известный в городе проходимец Боря Рейфман, племянник того самого Давида Рейфмана, имя которого многие боялись произносить, и даже сам губернатор был обязан в некоторой степени своей должностью именно ему.

Сам Давид навещался в город нечасто. Разъезжал по делам своего тёмного бизнеса по столицам не только России, но и иных государств. Капитала сказочного владетель, который он мудро хранил не в российских банках, что не добавляло ему любви у русского народа, и так не жаловавшего людей его этноса. Причина этой нелюбви была большинству непонятна, но необходима для осознания скромного устройства бытия своего.

Итак, ежедневно и на всех службах в храме звучала молитва против злчного места. Один раз делегация приходского совета мирян во главе с Ионой даже ходила к воротам «Кабак» с иконами и хоругвями, обойдя кабак несколько раз вокруг крестным ходом с песнопениями и молитвами.

Так продолжалось до весны, которая выдалась солнечной, дружной и очень тёплой. Быстро сошёл снег, и весёлые ручейки зазвенели в округе.

Как-то раз в воскресный день, сразу по окончании литургии, когда все присутствующие в храме хором сказали «аминь», небо над городом потемнело. Собиралась какая-то невероятная гроза, и вот мощный раскат грома сотряс стены церкви и всех домов в округе, молния ударила в здание кабака, и там сразу начался пожар. Хлынул невероятный ливень, наполнивший реку, которая разлилась и подмыла кабак с левой стороны, там, где проходила объездная дорога, и он рухнул в образовавшуюся яму, и по течению понесло всё его содержимое, которое не успело догореть в пожаре. Погибли два пьяных клиента, проститутки все выплыли, потому что по распорядку пить на рабочем месте права они не имели.

Может возникнуть вопрос: почему я потопил клиентов, но оставил в живых жриц любви? Отвечаю: по причине того, что падшая женщина, оказавшаяся в подобной ситуации не по своей воле, вызывает у меня больше сочувствия, чем те, кто этим её горем пользуется и дополнительно его усугубляет. Так им и надо, пусть кормят рыб.

Таких новостей маленький уездный город не знал никогда. Даже столичные газеты упомянули это событие на первых полосах. Иона торжествовал, торжествовали и все благочестивые люди города и, в особенности, жёны и дочери обывателей.

Прошло две недели на подсчёт убытков, и в начале июля в суд поступило заявление Бори Рейфмана на возмещение оных преподобным Ионой и всей его организацией. К нему прилагались иски двух женщин, потерявших в водовороте судьбы своих непутёвых мужей. Женщины требовали компенсаций, выраженных в довольно приличной и вполне материальной сумме. Они ссылались на то, что хотя их мужья и не были образцами морали для детей своих, но от содержания их не отказывались, и теперь бедные сиротки вынуждены ущемлять себя в самом необходимом.

Судья вечером после работы закрыл дверь суда на ключ и по дороге домой зашёл в храм известить отца Иону об иске к нему и о сомнительном свойстве этого дела, неопisanного нигде в справочниках и законах Российской империи. Но иск подан, и он вынужден будет его рассмотреть.

Настал день суда. В небольшом зале, вмещавшем не более тридцати человек, расположились истцы и ответчики, сам судья, писарь, секретарь и два десятка горожан самых приличных сословий. Со стороны ответчика был

Иона, два человека из приходского совета, а также благочинный с архиереем, хмурым и молчаливым. Со стороны истца — пятеро молодых, готовых на всё людей.

Судья зачитал иск и дал слова истцу для подробного изложения претензий. Истец, то есть сам Боря Рейфман, сказал:

— У меня в документах все убытки подробно посчитаны. С чеками, векселями и закладными бумагами на всё строительство от начала до конца. Я требую возмещения моих убытков как налогоплательщик и патриот Российской империи. Я утверждаю, что стихийное бедствие произошло в результате молитвы всех православных в храме на протяжении более чем полугода. Предъявляю суду её текст, заверенный нотариально за подписью пяти свидетелей.

Настала очередь ответчиков, которые с ехидством и нескрываемой иронией отвергли все обвинения, утверждая, что они не имеют никакого влияния на силы природы и стечение обстоятельств, которые погубили это здание. Просили суд обратить внимание на ошибки проектирования и несоблюдение правил строительства при закладке фундамента.

В результате в зале поднялся такой крик с двух сторон, что судья зажал уши и сидел, переводя взгляд с одной стороны на другую, потом взял молоток и постучал, но никто не обратил на него никакого внимания. Судья сунул руку в стол, достал оттуда револьвер и выстрелил в потолок. Наступила тишина. Все сели и со страхом смотрели на судью.

— Всё, — сказал негромко судья. — Все высказались, прошу сидеть тихо. Теперь послушайте меня. Это дело необычное тем, что ущерб не признаётся стороной, которая именно его желала и к которому страстно стремилась. Ущерб нанесён, как мне кажется, именно ею, посредством молитвы, и потому иск признаётся судом и требует удовлетворения. Как христианин, я не могу поступить иначе, не похулив Святого Духа. Но самое удивительное для меня то, что только кабатчик верит в силу христианской молитвы. Что вы думаете по этому поводу, отец Иона?

Епархии пришлось изрядно напрячься для удовлетворения иска. Были продлены четыре поста на пять дней каждый и введён дополнительный пост, сразу после Пасхи. Объявлен сбор денег в соседних губерниях, и даже столица прислала изрядную сумму.

Вот такая притча получается. Теперь, давайте перенесёмся, читатели, в наше время, что нам стоит? Это просто, раз — и мы в 2017 году в ноябре на Дальнем Востоке, на космодроме.

Ноябрь — месяц холодный, дует сильный ветер, зябко. У отца Виктора надеты тёплые подштанники, да ещё подрясник и куртка пуховая. Не продувает. Что он здесь делает? Стоит и ждёт команды у огромной красивой ракеты, заправленной ста тоннами топлива, скрывающей в себе непредставимую обычному человеку мощь и стоимость.

Рядом стоит с синим носом трезвый дьякон Силуан с чашей и метёлочкой, готовый подать её по первому требованию. Отец Виктор служит уже пять лет священником, но впереди у него перспектива неясная. А ведь окончил авиастроительный институт с красным дипломом, но работы по специальности не нашёл и решил стать священником, чтобы поддержать старушку мать и двух маленьких ещё сестёр. Карьера не шла, знакомых в епархиальном совете не было, да и прихода лишился, хотя и бедного. Служил вторым и третьим священником в двух храмах. Хорошо, что требы выручали. Кого соборовать, кого похоронить, кого окрестить. Так и перебивался. И сейчас он ничего не получит, а получит за это освящение архиерей, или, по крайности, благочинный округа, а ему здесь стоять и мёрзнуть.

Толстый полковник в каракулевой шапке, высморкнувшись на землю, махнул рукой: можно начинать чин освящения небесной колесницы.

«Господи Боже наш, восседающий на Серафимах и носимый на Херувимах, мудростью украсивший человека, благим Твоим промыслом все ко благу направляющий, ниспошли благословение Твое на колесницу сию и Ангела Твоего к ней приставь, дабы ездящие в ней, им хранимые и наставляемые, в мире и благополучии путь свой совершив, Тебе славу и благодарение воссылали, восхваляя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь».

А в голове роились мысли о том, сколько же это денег сейчас улетит в никуда, потраченных на разные глупости. Денег, которых бы им с матерью и сёстрами хватило надолго и ещё многим бедным и несчастным в России. В сердцах он даже проклял эту ракету: «Чтоб ты разбилась, дура алюминиевая», — сказал он про себя, хотя уста произносили чин освящения без запинки. Ему ещё следовало произнести чин освящения ладьи, но он быстренько свернул служение, и они с дьяконом пошли вон с площадки.

Когда он подъезжал на машине к дому, по радио сообщили о том, что ракета не вышла на орбиту и упала в Атлантический океан. Отец Виктор мстительно улыбнулся и непонятно кому показал средний палец.

Чего и следовало ожидать, друзья мои. Известно, что Бог Сердцеведец не особо обращает внимание на слова человека, а больше на его сердце, его искренние желания. Исходя из этого, на освящение ракет в будущем надо приглашать священников вполне довольных своей жизнью, чином повыше, и животом потолще.

Или, по крайней мере, попытаться не смешивать в одной голове науку и религию, тем более что, как всем известно, «голова — предмет тёмный и изучению не подлежит», а уж тем паче Великий Бог, тайные дела которого человеку понять не дано. На том и успокоимся, этим и утешимся.

ЕЛЕНА КЛЕВЕНСКАЯ

Архетипы в ортоСМИ

Попытаюсь описать некоторые типы (пожалуй, даже архетипы) православной общественности, которые мы видим в официальных церковных информационных источниках.

1. «Отец». Священник, четко и строго отвечающий на вопросы. Может иногда нахмуриться, сурово посмотреть исподлобья, но в целом — добродушный человек. Просто «работа такая» — нужно, чтобы порядок был.
2. «Настоящий отец». Тот самый священник, о котором вы думаете: «Вот к нему я бы не побоялся пойти на исповедь в первый раз/после долгого перерыва в церковно-обрядовой жизни».
3. «Горячий отец». Такой, который пламенно призывает к чему-нибудь.
4. «Добрая матушка». Жена священника или настоятельница монастыря, которая свою жизнь посвятила педагогике/воспитанию детей/заботе о многих ближних. Много знает, многое видела. Может о многом рассказать и поделиться опытом.
5. «Экзальтированная особа». Ей тоже есть о чем рассказать, но она обычно свой рассказ сводит к декламации и сопровождает его слезами и схватывается за сердце. Вы обязательно услышите в её монологе фразы типа

«я невероятно...», «я безумно...», «а вот батюшка сказал...», «я всю, всю себя отдала...»

6. «Проректор». Обычно в сером костюме, при бордовом галстуке, аккуратно подстрижены борода и волосы на голове, очки дают очень интеллектуальный и эффектный отблеск. Походка выверена, речь поставлена, характер нордич... ой, не то.

7. «Ищущий юноша». Такой, в которого влюбится «ищущая девушка». Очень добрый, отзывчивый, нежный... В браке может начать пить.

8. «Ищущая девушка». Девушка, уставшая от того, что молодые люди не обращаются к ней по вопросу душевных, искренних и целомудренных отношений. Стремится найти православного спутника жизни — такого, чтобы «вместе спастись» и «воспитывать деток». И чем больше деток, тем лучше/выше гарантия спасения.

9. «Холеная журналистка». Очень красивая женщина, интересная, яркая. В близких друзьях и подписчиках у неё обычно священники и очень грустные девушки с проблемами. Со всеми этими подписчиками она исключительно на «ты». Женщин, которые смотрятся на равных, она демонстративно игнорирует.

10. «Православный психолог». Обычно говорит то же, что и все психологи, но вы все равно чувствуете, что по-другому. Основные темы — отношения, семья, педагогика, выгорание. Об успехе и достижении целей — редко.

11. «Православный бард». Мужчина или женщина, развивающие жанр духовной авторской песни. Имидж — «славянин» или «славянка». Обязательно поёт о Родине, Боге и странничестве.

12. «Красавец-вам-не-дам». Очень привлекательный, умный, интересный молодой человек, но как будто его «ничто такого» не интересует (или интересующиеся — страшненькие?..).

Это небольшой субъективный список героев. Думается, что каждый читатель сможет добавить и своих собственных.

АНОНИМНЫЙ АВТОР

Архетипы в ортоСМИ-2

1. ТОВАРИЩ МАЙОР. Отставной военный, которому пенсия позволяет не работать, и потому он готов уделять сколь угодно времени дорогой

редакции. Не столько делится боевыми воспоминаниями («война – грязное дело», «сколько мальчишек мы в Афгане положили»), сколько любит строить теории обо всем на свете, прежде всего о мировых заговорах и о бабах. Степень полезности для редакции разная: от нулевой до ниже среднего.

2. KAZATSCHOK. Человек с аксельбантами, газырями, нагайкой, непременно с медалями. От предыдущего типа отличается тем, что в армии ни разу не служил, даже срочную. Выражается превыспренне, любит экскурсии в историю, однако в основном – казачью. Может быть полезен в написании репортажей о казачестве, однако лучше эксплуатировать его в режиме интервью, задавая конкретные вопросы.

3. КРАЕВЕД. Эрудит, страстно увлеченный историей родного края. Может, не глядя в справочники и интернет, поведать историю любого здания в городе. Часто материалы такого автора становятся жемчужиной номера, потому что написаны грамотно и интересно. Готов публиковаться где угодно, и рад тому, что православные издания дают ему площадку. Увы, легко переходит на антиклерикальные позиции, ибо краеведение ему дороже – единственная причина, по которой нуждается в редактировании.

4. ЛИРИК. Сотрудничает с православными СМИ «по призванию», нередко готов писать много и бесплатно. Как правило, имеет либеральные, обновленческие симпатии, выражающиеся в попытке перевести текст службы и проповедь на человеческий язык. Легко увлекается, но так же легко бросает тему, если теряет к ней интерес. Нередко предпочитает святоотеческому мнению собственное вдохновение. Чаше цитирует Новый Завет.

5. КОНСПЕКТИРУЮЩИЙ С НЕБЕС. Пожилой человек, который знает, как надо писать, и готов в любой момент заполнить газету своими текстами, которые срочно необходимо донести до человечества. Диапазон широкий: от сумасшедших, слышащих «голос Бога» (или даже самих себя считающих «богами»), до безобидных старичков, разжевывающих прописные истины. Монархист. Печатать нельзя, даже когда говорит дело, чтобы не приручать. Лучше всего попросить на вахте не впускать такого в редакцию.

6. ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОЭТ/ПОЭТЕССА. Обычно пенсионного возраста, пишет стихи на уровне ветеранского лито. Слащаво, благочестиво, иногда с налетом эротики или эзотерики. В ответ на просьбу пересказать стихотворение прозой теряется. Печатать нельзя, но можно приглашать на православные вечера и делать героем репортажей.

7. УМНИЦА ИЗ МОЛОДЁЖКИ. Талантлива, умна, свежа. Абитуриентка или студентка гуманитарного факультета (потому и пришла в газету). Нужно иметь в виду, что такие барышни приходят к христианству искренне, обретают в нем смысл жизни, но находятся в церковной ограде недолго, от 16 до 19 лет. К 20 годам им, как правило, надоедает. Печатать, поощрять, пока не сбежала. На коленки не заглядываться, обращаться целомудренно. Мужской тип встречается реже и не так легковесен.

8. ТРЕЗВЕННИК, ПРОЛАЙФЕР. Ловит кайф и драйв от уличных акций, тусовок, общественной деятельности. Способен найти волонтеров, уговорить, скреативить. Всегда готов к начинанию новых проектов. В конце концов неважно, что он там пишет на своих плакатах и отстаивает на своих пикетах, важно, что он создает для православных СМИ информационный повод. Печатать, но не забывать напоминать, что писать надо короче, что его место в колонке новостей или в подвале на четвертой полосе.

9. ЧАДО СТАРЦА. Мирянин, реже – матушка, совсем редко – клирик. Находится под обаянием какого-нибудь известного старца, лучше при этом – тайного схиархимандрита или даже схиархиепископа (последнее попахивает расколом). Считает главным злом мира прививки, штрих-коды, ИНН и ювенальную юстицию, с каковыми отчаянно борется. Монархист. Всё делает «по благословению старца» и считает, что остальные должны поступать так же. От «конспектирующего с небес» отличается тем, что всё-таки не фантазирует от себя, а воспроизводит байки из общецерковного фольклора. Печатать не желательно, но можно, после вставки на место мозгов.

10. АРХИЕРЕЙ. Тот, чье именно благословение написано над логотипом газеты, вместо «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»

ИАИЛЬ САМЕЕВА

Православный круг зодиака

Овен: Вы слышали Благую Весть? Да? Так я вам расскажу. Я услышал, что вы слышали, все равно расскажу. Возьмите книжку. Испугайтесь ада. Спешите войти в число спасенных. Приходите к нам в воскресную школу. Куда вы убегаете, я все равно бегу быстрее!

Разочарованный Овен: Это все ложь!!! Ложь!!! Я просил велосипед, а Бог не дал. И другим не дал, я это знаю из надежнейшего источника ОБС. Это почему я сразу балбес? У меня просто всегда ПМС! Я положу стихи

Маяковского на музыку Prodigy, возьму кувалду и снесу эту обитель зла!
Камня на камне не оставлю! Вперед! За Докинза! За Хокинга!

Телец: Все собираюсь написать Евангелие от Марфы, это которая сестра
неряхи Марии и лузера Лазаря, но некогда заниматься глупостями. Когда я
возвожу очи горе, я вижу, что у храма протекает крыша. Кругом бездельники,
им бы все молитвы бубнить да иконы слюнявить. Хоть один взрослый
человек должен за все отвечать.

Разочарованный Телец: Времена розового неофитства прошли. Я окинула
учение трезвым взглядом и поняла, что оно не имеет под собой никаких
разумных оснований. Как я на это вообще купилась? Но я так и продолжаю
работать главбухом епархии. А что? Мировоззрение меняется, но истинные
ценности — материальные — вечны.

Близнецы: Все люди — братья. Только не всегда заметно, что мы все
близняшки. Все религии ведут в один рай. Как-то я поговорил с батюшкой
минут 15 и постиг православие, потом вник в зороастризм по анимешному
комиксу, взглянул на обложку Корана и понял ислам, а после секунды
практики буддизма у меня случилось экуменистическое просветление. Я
могу понять любого, кроме тех странных людей, которые говорят мне, что я
ни черта не понимаю.

Разочарованные Близнецы: Овен открыл мне страшную правду про
велосипед. Теперь я атеист.

Рак: Церковь — это заботливая мама. Точнее, сообщество заботливых пап.
Там выслушают, поймут, приласкают. Там найдутся милые добрые друзья.
Возможно, половинка... Главная заповедь в том, чтобы любить друг друга
(мое имя Друг) и делать добро людям (моя фамилия Человек).

Разочарованный Рак: Мой любимый батюшка вдруг отмочил такое... Никогда
бы не подумал... И если бы только он... Все только декларируют заботу о
ближнем, а на деле я такого насмотрелся... У всех церковников слова
расходятся с делами. Сначала я думал, что это только нынешние такие
испорченные, а потом понял, что в церкви всегда так было. Вы биографии
святых читали? Хоть один святой там есть? Добрый, альтруистичный,
справедливый?.. Нету... В этом вашем православии никакого хюгге. Пойду
искать другую тихую гавань.

Лев: Если православие — господствующая конфессия, в которой можно
сделать крутую карьеру, то я православный. Нет, пррррравославный.
Рррраскатисто звучит? Впечатляет? Если моя религия пока не затоптала

конкурентов, я исправлю этот недочет. Я объединю всех верных и поведу на штурм. Господь принес не только мир, но и меч. Водолей, не мельтеши со своими ценными знаниями, что имелось в виду совсем другое. В военное время цитата, как синус, может принимать любое значение. Мы победим. Или героически проиграем. В любом случае, я войду в историю.

Разочарованный Лев: Я уж 10 лет как епископ. У меня связи в высших кругах, недвижимость в Италии, небольшой, но стабильный наркобизнес, джип, любовница певичка, дети учатся за границей. В патриархи не пробьюсь, хоть заинтригуюсь по самые уши. Эх, не на тот клан я ставку сделал в свое время, да что уж теперь... Скушно, господа, скушно... О! Не замутишь ли мне раскол?

Дева: Вся суть христианства — в притче о добром самарянине. В мире так много нуждающихся, как можно равнодушно проходить мимо? Я скромно творю дела милосердия, не ожидая никакой оплаты и благодарности. Надеюсь, в Царстве Небесном отъемся за эти годы эмоциональной голодухи. Скоро уже? Я не то чтобы тороплю Бога, но...

Разочарованная Дева: Эти проклятые церковники только и делают, что обманывают и используют людей! Я осознала себя свободной личностью, я больше никому не позволю себя эксплуатировать! Теперь я на волонтерских основаниях веду две терапевтические группы для жертв церковного абьюза и социальный проект «Тирания в монастырях. Расскажем правду». Если вас обидели в церкви, приходите к нам, поделитесь своей историей. Мы вам обязательно поможем! Нам не нужно ждать мифического Царства Небесного, если мы можем обнять друг друга здесь и сейчас.

Весы: Без богослужения нет Церкви. В детстве меня поразила красота храма, так 30 лет и хожу, поражаюсь красоте храма, до слез, будто в первый раз... Это дивное пение... Эта мелодика церковнославянского, эти чарующие звуки «аще иже бых приидох, трах ти, бидох ти, бидох»... Я преисполняюсь неземных тонких чувств и крестюся с изящно отставленным мизинцем. Если убрать из религии красоту, что в ней останется? Вера? Там есть какая-то вера? Она в золотых завитушках или готик-стайл?

Разочарованные Весы: На 31-й год велением судьбы вошла в костел я и услышала орган... Сердце мое вострепетало. При звуках этой флейты я теряю волю... Мои православные друзья кричат мне вслед: куда ты, сгинешь, там же филиокве, укусит! Ах, полно вам, мон амуры. Ужель такое слово беспримерной красоты несет опасность? Не верю вам, подите прочь... Друзья, уймись, оставьте меня, довольно кричать про какие-то облатки. В них тоже скрыт какой-то католический подвох? Неужто ль тож... укусят?

Водолей: Не они вас, а вы их, мадемуазель. Хотя, в каком-то смысле... Исторически сложилось, что в западном обряде...

Разочарованные Весы: Голубчик, вы так невыносимо нудите, право... Откройте мне завесу тайны, что есть облатки?

Водолей: Понял. Это кругленькие плоские сухарики, часто с тиснением в виде христианских символов.

Католические Весы: Ах, даже в сухарях у них гламур, вот это святость! Прощайте, православные в лаптях, прощайте навсегда!

Скорпион: Религия — это выдумка, придуманная для манипуляции людьми. Бога, разумеется, нет. Это иллюзия, которой трусливые слабаки прикрывают черные дыры своих душ. Я смотрю на мир без страха, поэтому осознаю, что реальность — ад. Любое добро — лишь пряник, чтобы подманить поближе и сожрать, а ощущение тепла — лишь временное облегчение перед тем, как станет холодно навсегда.

Разочарованный Скорпион: Я похож на человека, который способен чем-то очароваться? Смешно. Я сам могу поиметь мозги кому угодно и чем угодно. Но мне — о нет, не получится. Я не знаю, что такое доверие. Мне говорят, что из-за этого я одинок и несчастен. На самом деле, мы все одиноки и несчастны, только некоторые скрывают это от себя за глупой иллюзией под названием «любовь». Я не жду, пока жизнь разобьет эту иллюзию, я действую на упреждение. Я всегда рассчитываю на худшее, поэтому никогда не оказываюсь обманутым лохом. В борьбе за патриарший престол я легко обошел этого солдафона Льва. Кто-то во мне сомневался?

Стрелец: Царство Божие внутри нас. Все религиозные ритуалы служат для доступа к внутреннему миру. Во время Литургии я воспаряю душой и отключаюсь от реальности. В пост голодаю и сижу в пещере. Язык символов для меня так же прост, как родной русский. Мне понятны самые запутанные видения святых. Мы все едины, но не в том смысле, как это понимают Близнецы. Нас объединяет тайна, сокрытая в каждом человеке: наша потенциальная возможность слышать Творца. Непонятно? Да, у меня трудности с передачей опыта. Объясняю по слогам, разжевываю по буквам, насвистываю на губной гармошке — никто не понимает. Даже Водолей. Хотя он думает, что понимает.

Разочарованный Стрелец: У меня чувство богооставленности. Религиозные чувства исчезли и не возвращаются. Может, все эти переживания были

иллюзией? Чем дальше, тем больше мне кажется, что, увы, это так. Это всего лишь игры разума.

Козерог: Религия — это система правил поведения. Никогда ничего не просите у Бога, не Бог для вас, а вы для Него. Вы ничего не заслуживаете, виновные во всем дармоеды. Бог дал вам заповеди, вот и выполняйте их с утра до ночи, одну за другой, будто пропалываете картошку. Если поднимете голову хоть на секунду, вам это припомнят на Страшном Суде. Бог любит послушных хороших деток, остальных сурово наказывает. Кто любит своих детей, тот читает им на ночь Апокалипсис. В Царстве Небесном мы будем сидеть вокруг Бога на табуреточках, с идеальными осаночками и вечность петь заученную Осанночку. Жизнь — тренировка для этой монотонной деятельности. Отберут лучших. Остальных — в ад!!! Щас подробно живопишу, что там будут с ними делать...

Разочарованный Козерог: В мире есть лишь одна Истина, и она уже намертво прошита в моих мозгах. В моих идеально причесанных извилинах нет места ни сомнениям, ни тем более разочарованиям. Даже если моя Истина размажет меня по стене и расколотит об асфальт, это лишь укрепит мою веру. Когда приходит время испытаний, нужно погрузиться в себя, закрыть двери и произнести Главную Молитву: «Соберись, тряпка!»

Водолей: Христианство — это система мировоззрения. Любящий Бога имеет знание от Него. Вера — продукт ума и воли. Быть христианином означает разделять догматы церкви. Я понимаю, что все трактуют эти догматы по-разному, даже у святых есть кое-какие шероховатости с консенсусом. Но это все преодолимо, если прочитать миллион томов. Тогда в голове все проясняется. У меня, например, есть отличная непротиворечивая Теория Всего.

Разочарованный Водолей: Я ради смеха решил почитать оппонентов и обнаружил, что они знают вещи, которые разбивают мою Теорию в пух и прах. Я не могу отрицать Истину. Что ж. Пора читать миллион томов по атеизму. И зачем я только полез в эту бочку на свою голову, на свою умную дурную голову...

Рыбы: Бог — это Золотая Рыбка. Просите, и дано будет вам. Молитесь, выполняйте ритуалы, и Бог исполнит все ваши желания. Чем таинственней ритуал, тем больше вероятность исполнения желания. Если ритуал не помог, надо взять другой. Если не помог другой, то нужно верить, что поможет следующий. Это и есть вера. Значит так, Господи, в списке под номером один у меня мороженое, а потом пирожное... Ох, что ж Литургия такая короткая,

не успела весь список огласить. Поеду-ка я в монастырь, там и служба дольше, и вода святее, и молитвы сильнее. Бабоньки, в прошлый раз напоила ежика слезами аспида на могиле старца на растущую луну, попросила мороженое, вышла за ворота и купила мороженое! Чем вы это объясните? Чудо!

Разочарованные Рыбы: It doesn't work, этот бешеный Овен не врал... Чудеса выходят какие-то недостаточно густые... Дедушка Мороз, дорогое мрзд, фея-крестная, утешьте меня. В жизни всегда есть место сказке. Если в православии ее нет, она наверняка есть где-то еще. Овен, уйди с глаз моих, я тебе не соратник. Убери свои кошмарные знамена с Хокингом, я не имею дела с черной магией. Если тебе не дали велосипед, это не значит, что развести высшие силы на транспортное средство невозможно в принципе. Может, проблема не в силах, а в тебе. Лично я бы тебе и спицу от колеса не доверила.

Типикон против Google, или Пара слов о православном серфинге

Готовлюсь к первому Причастию. Мои православные знакомые говорят, что перед ним надо соблюдать трехдневный пост. Я знаю, что такое пост, это когда питаются травой. Но где-то я слышала, что в пост еще принято воздерживаться от... Ну... того... этого... В общем, все поняли. Спросить знакомых стесняюсь, пойду беспокоить Гугл.

Первая ссылка ведет на официальный православный ресурс. Интервью с медийной персоной, главным пиарщиком всея РПЦ. 120 фоток, гигантский шрифт, закос под старорусский язык. Речет истины: вот это стул, на нем сидят, вот это стол, его едят, перед причастием потребно воздержанье. А то без него не знали, что потребно. Дней сколько?! Неужели так трудно сказать что-то конкретное?

Следующие десять ссылок ведут на медийных персон помельче. К ним мы не пойдем, результат будет тот же. Эти гении пустословия всегда говорят будто для милицейского протокола — водянисто, обтекаемо, многозначно. Это особый стиль речи, специально разработанный для сокрытия информации. Этим людей можно убить, но нельзя выдавить из них конкретную цифру. Они напускают туману даже тогда, когда в этом нет никакого смысла. Чтобы не растерять навык.

Одиннадцатая ссылка ведет на коммент на православном форуме. О! Мнение народа. Народ знает все и не чурается конкретики. Читаю конкретику, она

радикальна и нереалистична. Осматриваюсь. В комментарии сверху обсуждают жидомасонов. В комментарии снизу — землю с могилки старца Евпсихия. Через комментарий — история исцеления от рака. Батюшки, а мнение по моему вопросу этому самому почившему старцу и принадлежит. Это форум его имени.

Э, нет, так не пойдет. Мнение любого старца я и так знаю, тут и на форум не ходи. Если на человеке хоть живое место осталось, это уже для старца личный вызов. А уж если закоренелый грешник способен улыбаться, так и вовсе брошенная в лицо перчатка. Старец скажет, что надобно воздерживаться 3 года, и все эти 3 года трудиться в монастырях, чтобы подойти к Чаше во душевной чистоте. Не, старцы — то для самых ламеров в православии, начальный уровень. Я его уже прошла.

Листаю дальше ссылки. Отсеиваю те, где замечены старорусские обороты. Где-то на пятой странице обнаруживаю нечто похожее на вменяемую человеческую речь. Ссылка ведет на комментарий, автор — богослов и историк. Опасливо озираюсь, но бояться нечего: в соседних комментариях удобно расположились преподаватели, переводчики, библиоведы. Ура-ура, я среди умных людей.

Читаю мнение историка по моему вопросу. Оно выглядит взвешенным, разумным, адекватным. Усеяно ссылочками на силуанов да фотиев. Вот я и нашла ответ на свой вопрос, можно уходить. А потом черт меня дернул посмотреть следующий комментарий. Зачем?! Зачем я это сделала?!

Написал этот комментарий переводчик с древнегреческого. Весь комментарий в греческих закорючках. Ему тут же начал оппонировать другой переводчик с древнегреческого, не упускать же несчастный случай хоть куда-то приткнуть свои знания. В качестве аргумента он использует еще больше греческих закорючек. Почитав немного их полемику, понимаешь, что шутка про «celebrate, а не celibate» не такая уж и шутка.

Далее в дискуссию вступает православный журналист: «Все вышесказанное безусловно верно, но только в том случае, если вы разделяете юридическую теорию».

Разделяю ли я юридическую теорию? Хороший вопрос. What is bullshit юридическая теория? Я два раза в церкви была, какая еще юридическая теория? Зачем спускаться на меня этого дракона? Оказывается, этого дракона все знают, это какое-то общее место. По опыту знаю, что найти общее место

так же нереально, как место, где земля закругляется. Оно везде и одновременно нигде.

Безнадежно гуглю «юридическая теория», морально готовлюсь прыгнуть в бездну неоднозначной информации. Опаньки! Вменяемое объяснение в первой же ссылке в Вики. Как же так? Какие-то сложные философские вопросы легко доступны, а мой вопрос охраняется как государственная тайна. Это же примитивный технический момент, зачем его охранять херувимом с мечом? Начинаю догадываться, что разгадать тайну происхождения вселенной куда проще, чем тайну происхождения правила о воздержании перед причастием. Если мне удастся эта mission impossible, пойду хакну форт Нокс и разоблачу, наконец, масонский заговор.

Убаюкиваюсь логичным объяснением из Вики, на секунду чувствую почву под ногами. Но тут же спотыкаюсь о следующий коммент. «Что вы, какая юридическая теория? Уважаемые оппоненты мыслят, как схоласты». Открываю вкладку со схоластами. Открываю 10 вкладок с рассуждениями всяких схоластов. Прикольные! Потом почитаю, а сейчас вернусь к моему форуму.

В дискуссию вступает монах из Греции: «Все вы правы, братья и сестры. Но, согласно Типикону...» Who is Типикон? Типикоша, кто тебя с таким именем в святые-то взял? Тебе что, не сказали, что имя надо брать у эльфов, а не у покемонов? Ну ладно, может, ты из деревенских, не знал.

Посмотрим, что пишет этот сельский житель. Ой... Какая неловкая ситуация. Оказывается, Слава КПСС вообще не человек. Объем этого Славика не оставляет надежд разобраться в моем вопросе. Кстати, а что именно искать-то? Не вводить же в поиск то самое неприличное слово, его там наверняка нет, там написано иносказательно. Откуда мне знать, какой именно поэзией прикрыл срамное слово автор? Возможно, духовное лицо из Греции уточнит? Так, листаем комменты дальше, оно и правда уточнило: «Ничего такого в Типиконе нет». Спасибо, добрый человек. Вы очень помогли.

Снова возвращаюсь на форум. Дальше россыпь комментов от историков, каждый из которых имеет свою единственно верную теорию, как оно все на самом деле было. Так, читаем. «Согласно мнению исследователя 19 века Ю. Ю. Овсянникова...»

Нет, Ю. Ю. Овсянников авторитетом никак быть не может. Уважаемый Ю. Ю.! Ваше имя каждой своей буквой оскорбляет мои чувства верующих. Вам срочно нужно в монахи, чтобы завести себе приличное имя. Не обязательно

услаждать мой слух чем-то вроде Фирмилиана, нет. Обычного Дионисия мне вполне хватит! И вместо фамилии надо взять какое-то слово, оно даже и не поймешь, что это, если это не местность и не хвалебное прилагательное. Но звучит всегда зашибенно.

Автор следующего коммента разделяет мои чувства. «Несмотря на заслуги перед наукой, этот историк ошибается, и ошибочности этой он обязан своему некритическому отношению к устаревшей и слабой статье А. Завьялова». Как вы яхту назовете, такую статью она и напишет... Дальше в комменте ссылки на новые сильные статьи, авторства Феодора Студита и Феофилакта Симокатта. Совсем другое дело!

Иду по этим ссылкам, а там так интересно. Оказывается, мой вопрос обсуждался в IV веке. До наших дней дошла переписка Киприана Леринского и Викентия Карфагенского. Poleмика закончилась тем, что Киприан съел своего оппонента и выдал свою внебрачную дочь за сына визиря, чем способствовал торжеству истины. Но потом на Арльском соборе Церковь обоих примирила через прославление в лике святых. Викентия священномучеником, конечно.

Пока не дочитала эту захватывающую историю до конца, не могла оторваться. Я до конца жизни забуду на сериалы и детективы, буду читать византийскую полемику. Там золотая жила. Уже открыта сотня вкладок на «почитать потом». Кстати, а результат полемики автор сказать-то забыл. Видимо, процесс настолько ярче результата, что последний трудно даже заметить.

В дискуссию вставляет свои пять копеек преподаватель богословия. Возвышаясь над толпой, он презрительно бросает: «А вы читали первоисточник?» О, вот он свет в конце тоннеля! Как я сама не додумалась? Не проверяю информацию, будто зомби какой. С благоговейным трепетом, начинаю читать Первоисточник. В промежутке между видениями, морализаторством, хозяйственными распоряжениями, теориями заговора, проклятиями оппонентов и пророчествами, святой автор Первоисточника и правда говорит нечто, что, при большом желании, можно толковать как совет воздерживаться несколько дней. А можно и не.

Я что, одна вижу эту неоднозначность? Возвращаюсь на форум — нет, не я одна. В следующем комменте преподаватель истории религии дает ссылку на другой Первоисточник. Припадаю. Мда... Нет, все святые сговорились писать нечитабельно. Кроме схоластов и юристов. Остальных-то кто учил?

Ой, это ж Святой Дух. Своеобразный у него, надо признать, стиль... Как минимум, узнаваемый.

После чтения нескольких Первоисточников становится понятно, что мнения святых безобразно разнообразны. По любому вопросу существует полный набор всех математически возможных мнений, перебраны абсолютно все комбинаторные сочетания. Плотность мысли такая, что свою личную мысль просунуть невозможно, она уже наверняка приходила кому-то в голову. Любой бит информации уже кем-то описан. Даже если я наберу случайный набор слов, меня тут же классифицируют как какого-нибудь арианина или донатиста.

Согласны святые только в одном вопросе, и это далеко не Символ веры. Это убеждение, что мир, в лице окружения святого (имена, явки, пароли), лежит во зле. Складывается впечатление, что это и есть тот камень, на котором стоит Церковь.

Смотрю на часы — ба, уже 5 утра. Вопрос не продвинулся ни на шаг. Более того, ушел в безнадежные минуса. Может, плюнуть и поступить по самому суровому варианту, чтоб наверняка все было правильно? Э, нет, это лить воду на мельницу старца Евпсихия. Не дождется. Продолжу искать Истину.

Господи! Я понимаю, что Ты заждался меня в Чаше, но я пока бреду навстречу буре, продираюсь сквозь дебри и безнадежно застряла. Я, конечно, знаю, что путь к Богу долг и тернист, но кто бы мог подумать, что препятствия примут такую неожиданную форму.

Пасхальный тур на Святую землю

Дело не задалось с самого начала, за два месяца до начала событий. Только отдали деньги в паломнический центр, как в ленте вылезло: «Храм Гроба Господня закрыт, так как церкви зажимают 200 лимонов налогов и собираются с помощью возмущенных верующих отжать себе право продолжать в том же духе». История, конечно, очень израильская, но... К Пасхе откроют или нет?

Я решила, что все началось так плохо, потому что я не испросила благословения у батюшки. С этой целью я подкатила к отцу Юному Сердцееду из нашего монастыря. Ему идея паломничества понравилась, он сказал: «Израиль? Вау! Помолитесь там за меня, грешного». Вспоминаю его новенький электрокар, на котором он уверенно рассекает по встрече, и

прикидываю, что, пожалуй, лучше бы он озадачил такой миссией целый монастырь. Увидев сомнение на моем лице, он торопливо добавил: «Помолитесь еще и за батюшку Дедушку В Маразме, и за весь наш монастырь». О, такая задача полегче будет.

Увлечшись осуждением чужих грехов и заглядыванием в чужой карман, попросить благословения я забыла. Пошла с этим к отцу Дедушке В Маразме. Тот тоже оживился: «Израиль? Зачем? Там жара и столпотворение», — и пустился в воспоминания. Часть воспоминаний явно были ложными, но не суть. Про далекий Израиль он вспомнил, а про благословение забыл.

Дело продвигалось все хуже, но меня так просто не остановить. Я решила обойти карму с тыла, попросив благословения у мамы. Родная мать напутствовала меня словами: «Ты, главное, не бойся перелёта. Если самолёт упадёт, это ж недолго мучиться. Хрясь — и всё». Складывалось стойкое впечатление, что Бог намеренно увиливает, чтобы потом с чистой совестью сказать: «А Я-то что? Меня там вообще не было!»

Буквально за несколько часов до отлета под благовидным предлогом пристала к одному из ахилловских батюшек. Тот тоже отклонился от темы и забыл, но я уже была к тому готова и напомнила. Ура, благословение в кармане.

По прилете в Израиль нас ожидала гидская группа: тетка с выражением лица Фрекен Бок и два батюшки. Первый явно ушлый атеист. Невозможно подделывать то презрение, с которым он глядит на лохов верующих, когда думает, что его никто не видит. Второй — духовно талантливый простак, который мечтает сделать мир лучше, но успехи пока невелики. Фрекен сразу начала общаться наглым тоном совкового препода, который учить не собирается, зато с наслаждением завалит того, кто сделает за него всю работу и выучит предмет сам.

Когда мы начали тыняться по аэропорту, разглядывая новую страну, она свысока велела нам идти в автобус читать акафист и ждать остальных неизвестно сколько времени. Посидеть в автобусе? Часиков 6? Читая акафист? Ага, щас. Пойду гулять, и что вы мне сделаете. Положение спас, как и во многих других случаях потом, батюшка Простак. Он начал что-то там проповедовать, потом читать молебен, и как-то все разрулилось. Молится он и правда круто, все сразу впадают в транс и дрыхнут.

Потихоньку осваиваюсь в группе. Эти православные типажи, думаю, кочуют из группы в группу:

Раболепная Бабуся с характерным православным сколиозом, тут же кинувшаяся извиваться перед батюшкой Атеистом.

Юная симпатичная девушка Чадо Божие, которая готовится стать монашкой. Прозрачный взгляд, нелепая «приличная» одежда.

Молодая семейная пара Благородный Православный Муж (хоть не в льняной рубахе, и то хорошо) и Благоверная Православная Желушка. Все время воркуют о высоком, точнее, он непрерывно сверлит ей мозги высокими идеями, что плохое это плохо, а хорошее хорошо. Мозг Желушки давно превратился в принимающий usb-порт.

Видавшие Виды Православные Тети (n штук) с ворохом магических православных историй. Осуждают черную магию, ни шагу не ступают без своего духовника-экстрасенса. Духовник сообщает им, за кого выходить замуж, в какой институт поступать и какие шторы повесить на кухню.

Молодые девушки, естественным образом сбившиеся в свиты вокруг Видавших Виды Теть (n штук).

Горячая Восточная Девушка. Ярко покрашенная, одетая в атлас, расшитый золотой каймой и камнями сантиметр в диаметре. С гигантской золотой сумкой с камнями 2 см в диаметре.

Быдлоалкаш.

Неудачник В Отчаянии.

Красивая молодая женщина, фаворитка отца Атеиста.

Серьезная беременная девушка.

Семейная пара среднего возраста, Скандальная Дама и Муж У Меня Все Схвачено. Гиперприспособленные к жизни, мгновенно схватывают обстановку в любой обстановке. Непостижимым образом узнают, что где-то за углом старец раздает благословение, в соседнем храме скидка на иконы, а под полом из-под полы наливают святую водичку. Пока ты как дурак стоишь на службе, у них уже произошла куча событий, записан телефон митрополита и сумки ломаются от святынек.

Тихие нормальные люди в возрасте, которые терпеливо сносят этот вертеп и старательно прикладываются к святыням (n штук).

Фрекен Бок произносит в автобусе приветственную речь, суть которой сводится к тому, что нам, нищebroдам, надо делать то, что она скажет, потому что за те копеечки, что мы ей платим, мы не имеем права выеживаться и заказывать свою музыку. Группа в этот момент собирает ей чаевые в размере 1200 баксов. Мадам всячески подчеркивает, какое одолжение она нам делает, что делает свою работу. Делает она ее очень плохо. Я видела всякое, но худшие организаторские способности видела лишь однажды. То был уникальный талант, превращавший любую бытовую ситуацию в опасный для жизни триллер.

Наша Фрекен получше, она просто лажает везде, где это возможно в принципе. У нее нет списка людей с телефонами. Его от руки составляет Скандальная Дама, на которую технично спихивают часть организационной работы. Гид запросто может сказать что-то «группе», то есть тому, кто идет рядом с ней, и ожидать, что остальные 30 человек тоже будут это знать. Телепатически. В любой точке сбора она уходит тогда, когда посчитает нужным. Скандальная Дама как-то предложила пересчитать группу перед уходом, Фрекен посмотрела так, будто ей предложили пойти на панель.

Когда Фрекен позволяет себе фразы «послушание превыше поста и молитвы» и «если вы будете говорить, я буду молчать», то есть внаглую отказывается делать свою работу вообще, у меня лопаются терпение. Я набираю номер организатора тура, чтобы потребовать вправить этой хамке мозги или вернуть мне деньги. Криво включившийся роуминг сожрал все мои деньги и телефон превратился в часики. Ловушка захлопнулась.

Обыденные вещи, которые ничего не стоят, Фрекен выставляет великими благодеяниями, обыденные события пытается продать под видом великих чудес. Допустим, пустили нас служить в греческий храм — о, чудо! А то я не в состоянии подсчитать, какую сумму мы там оставили. Или попали в храм Гроба Господня (приехали и зашли) — о, чудо! Он оказался открыт (узнать часы работы слабо?) — о, чудо! Отец Простак водит там всех по святыням (просто топаем туда-сюда ножками) — о, как хорошо Господь все управил.

Я понимаю, что при отрицательных организаторских способностях доехать из точки А в точку Б и там переместиться от святыни А к святыне Б — это чудо, сопоставимое с превращением воды в вино. Нет, все же грязи в воду. Но, если эта работа для гидов непосильна и в любой элементарной ситуации они вынуждены надеяться на Бога, как они могут брать за это деньги? Может,

сразу Богу тогда и платить? И опять же, как гиды могут гарантировать Его своевременное вмешательство?

С удивлением понимаю, что они действительно уверены, будто Бог у них на побегушках. Сказали — Он все управит, значит, управит, никуда не денется. Должен же Он хоть чем-то оправдывать Свое существование. Они косячат, Он управляет. Все на своих местах, все при деле. Бог для них не субъект отношений, а объект. Поэтому, если молиться «как следует», Он просто не сможет не явиться.

Великий четверг. Храм самарянки Фотинии в Наблусе. Прекрасная Литургия. Греческий батюшка, веселый и простецкий, как и все греческие батюшки. Раболепная Бабуся затаривается иконками, браслетиками, свечками, маслицами, и, кажись, птичьим пометом, плевками и кошачьей шерстью с пола. Православная Женушка покупает платочки по цене шиншилловых мехов. Неудачник В Отчаянии не отлипает от икон. Как-то все слишком хорошо.

В автобусе гид сообщила, что у нее для нас есть подарок. Я напряглась, и не зря. Грянула песня Валерия Малышева «Самарянка». Вы слышали эту песню? А «Слава Богу за все»? Больше надругательство над Священным Писанием трудно придумать. Даже если в него плевать или топтаться, это знак хоть какого-то уважения и принятия всерьез.

Если хотите прочистить организм, не тратьте деньги на слабительное. Включите эту музыку, и из вас выйдет все, даже прошлогоднее оливье. Тяжелые металлы схватят в охапку токсины, оседлают паразитов, и, пришпоривая шлаками, поскачут в закат, разбивая копытами соли из суставов. Камни в почках обратятся в прах, вирусы сделают харакири, а бактерии совершат Великий Исход. Впрочем, вероятнее, что первым от музыкальных лучей смерти умрете вы сами.

Дрожащими руками ищу на телефоне всепобеждающий немецкий рок, пока шансонная зараза не пристала к мозгу. У меня в запасе буквально несколько секунд, пока липучий припев не внедрился в память... Вот оно, мое спасение, так и называется, *Unsere Rettung*. Блаженно откидываюсь на спинку кресла. Через несколько минут замечаю выражение лиц окружающих и понимаю, что в наступившей тишине припев *Ave Satani* из моих наушников разносится по всему автобусу.

Храм Рождества. Чудотворная икона Богородицы. Девушка Чадо Божие присосалась к ней как пиявка. В любой группе находятся люди, уверенные, что лично им можно помолиться у святыни полчаса, а остальной сотне верующих, стоящих за ними в очереди, хватит и доли секунды на всех. Нашу группу уже зовут в пещеру, деликатно отталкиваю девушку от иконы. Чадо Божие превращается в соляной столп с функцией присоски. Сразу вспомнились истории про святых и иконы, которые было невозможно сдвинуть с места. Похоже, у девочки и правда есть святой потенциал.

Заходим в пещеру. Отец Простак поет с нами рождественские колядки. Супер.

Страстная пятница. Храм Марии Магдалины в Гефсимании. По двору прогуливаются невероятно толстые коты. Хороший знак. Подумала, что только добрые люди могут так раскормить животных. Ошибочка. Сестры ведут себя как бешеные собаки. На контрасте с греческими сестрами, которые дают водички, суют конфетки и удивляются вопросу «сколько стоит записочка за здоровье?», это особенно бросается в глаза. После Литургии некоторым причастникам не хватило антидора. Батюшка сказал «куда вы лезете, я вас на Причастии не видел» и ушел, не дав возможности приложиться к кресту. Мог бы и запустить в спину крестом «причастникам-самозванцам», че стесняться.

Вечером крестный ход к храму Гроба Господня. В точке сбора группа, как всегда, ушла тогда, когда Фрекен решила, что пришли все. От количества собравшихся этот момент никак не зависел, определялся рандомайзером, который она называла Божьим Промыслом. Мы пришли на место, когда группа уже виднелась вдалеке. Православный Муж с Жenuшкой, задержавшиеся на пару минут, носились по ночным улочкам-лабиринтам в поисках группы и названивали Фрекен. Она не брала трубку. Названивали отцу Атеисту. Не брал трубку. Автобус нашли сами, реальным чудом и Божьим Промыслом.

Батюшка Атеист нагло врёт, что ему не всегда можно дозвониться на палестинской территории, так как у него израильская карточка. Ну да, израильская карточка, в Израиле не дозвониться. Логично. Я смотрю, он принципиально не заморачивается правдоподобностью вранья.

По приезде в отель, мы обнаружили отсутствие Раболепной Бабуся. На исчезновение 69-летней женщины в чужой стране, в ночи, без телефона

Фрекен благодушно отреагировала: «Ну что мы можем сделать? Давайте за нее помолимся».

Великая суббота. Утренняя Литургия во вчерашнем монастыре «Осторожно, внутри злые сестры». Помня противного батюшку, собираюсь исповедоваться на своем родном языке, которого священник, возможно, не знает. Неожиданно попадаю к доброму и понимающему адеквату. Преклоняюсь перед людьми, которые смогли сохранить себя в аду.

Причастившись, мы обнаружили, что наши сухпайки, оставленные по благословению батюшки Атеиста во дворе («да никто не возьмет!»), дожирают те самые толстые коты. Так вот как они раскармливаются... Один кот слюнявит лепешку, второй гоняет по двору фалафели, как мячики. Оба выглядят недовольными качеством постной еды. Встречают нас оскорбленным взглядом, подцепленным у сестер монастыря.

Фрекен презрительно закатывает глаза: «Дорогие мои, вы что, завтраки с собой тащить на благодатный огонь планируете?» Непонятно, что отвечать на этот вопрос. Когда мы должны были их съесть? До Причастия? Сразу после в храме? Вместо? Распихав надкусанную котами еду по сумкам, народ выдвинулся навстречу благодатному огню.

Фрекен учит нас пролазить сквозь полицейские кордоны, перегораживающие улицы по дороге к храму. Говорит, скажите, что вы из Грузии. Интересная идея. Она меня видела? Любой продавец-араб безошибочно обращается ко мне по-русски, мне за километр орут: «Барана хошь? Плятёк хошь? Свэчку хошь?» А израильский полицейский, конечно, протупит и не раскроет Штирлица по волочащемуся за ним парашюту. Даже если предположить этот фантастический вариант, что мне делать, если он скажет что-то на грузинском? Ответить «гоморджоба»? Тут все знают примитивные фразы на 50 языках. Если я не смогу ответить, меня точно запишут в террористы. Не зря же я вру, правильно? Фрекен представляет себе последствия вранья полиции в такой день? Хотя, я уже не знаю, где безопаснее — у нас в группе или в израильской тюрьме.

Батюшка Атеист зашел в какой-то закуток и перевоплотился в иудея. Снял рясу, надел кошерную жилетку. Фрекен велела всем снять платки/юбки, и мы рванули вверх, в старый город. Восточная Девушка задыхается от темпа, говорит, что ей плохо, у неё большое сердце, она не может бежать на

подъеме. Фрекен возмущенно отвечает: «Дорогие мои, мы опаздываем», — и продолжает бежать.

Первый же кордон загоняет нас в какой-то тупик на базаре и не пускает дальше. Батя Атеист врет, что нас же предупреждали, что надо одеться не по православному и идти по одному. Ничего из этого не говорилось. Или, возможно, говорилось приближенным особам, или куда-то под нос, или во сне в подушку, или пропелось на арабском с минарета. По меркам наших гидов, это все щитовые способы донесения информации.

Православная Женушка, не теряя шопингового времени, бросается на платочки. Повязывает под подбородком. Получается бабуся. Завязывает кончиками назад. Получается доярка. Обвивает концы как удавку вокруг шеи. Русская крестьянка. Завязывает кончики надо лбом. Солоха. Укладывает жгутом вокруг головы. Гостья с востока. Перекидывает палантин через плечо. Дева Мария. Большой палантин через плечо. Бэтмен. Берет все. Муж причитает, что цены неадекватны, но платит, куда деваться. Потом же всю жизнь поминать будут, что отказался купить благочестивый платочек на святой земле.

До меня доходит, что мы проведем на этом базаре весь день, и надо куда-то сматываться. Я не верю в благодатный огонь и не собираюсь ради него нарываться на проблемы с законом. Пусть остальные лезут куда хотят, переодевшись ассирийцами или покрасившись в негров, а я с удовольствием позволила полиции выкинуть меня за ограждение и ушла гулять вокруг Стены.

Как выяснилось позже, Восточная Девушка в это время прорвалась дальше с группой. Гид другой группы принял ее за свою, пытался удержать, она вырывалась, во время драки он толкнул ее на заградительную арматуру, она упала и сильно ушиблась. Батя Атеист и гид стояли невдалеке, на следующем кордоне, смотрели и ничем не пытались помочь. Позже они сказали: «Ну а что? Если бы мы вернулись, нас бы дальше не пропустили». И правда, что важнее для православной души — благодатный огонь или какая-то там тетка в беде? Что нужнее для спасения — обожженные свечки или помощь ближнему?

Я хорошо провожу время на Стене, но пришел час сбора группы. Фрекен назначила местом сбора улицу рядом с храмом, в эпицентре людского водоворота. Как туда дойти? «Ну, разумеется, кордоны снимут». Разумеется, их не сняли. Со слезами отрываюсь от Стены Плача, бросаюсь в базарный омут, увязаю, как муха в варенье. Периодически меня и других из группы

кидало друг к другу волнами и так же раскидывало. Каждый вопил другому «если долезете, скажите, чтобы меня дождались». Толпа движется со скоростью 200 м в час. До цели 300 м, не дойти. Набираем отца Атеиста. Не берет трубку.

Подсчитала, что половину великой субботы провела, барахтаясь на восточном базаре. Зашибись паломничество. Встретились мы с гидами чисто случайно. Мы пробивались от тех же ворот, куда они уже шли на выход. Разумеется, они ушли с места встречи в назначенный час. С места, куда никто физически не мог дойти.

Батя Атеист возмущенно созванивается с «опоздавшими», намертво застрявшими в толпе, в которую они сами послали людей и из которой невозможно выйти. Долго рассказывает, что они сами во всем виноваты. Говорит, что после пасхальной службы не собирается бегать и искать всех разгильдяев, которые не придут вовремя. Пусть себе остаются ночью в Иерусалиме. Их проблемы. Разве так уж трудно выбраться из толпы? Перелететь там, или телепортироваться.

Неожиданно нашлась Раболепная Бабуся. Оказалось, что она осталась в храме Гроба Господня на всю ночь, так как ангел отводил охранникам глаза и они ее не видели (прим. автора: за что купила, за то продаю). В реале, конечно, она спряталась за какой-то святыней. Надеюсь, хоть не камнем помазания накрылась. Для Бабуся это было великое счастье, исполнение мечты и гарантированное присутствие во время схождения благодатного огня. Действительно, неплохой ход.

В автобусе Восточная Девушка верещит, что заберёт свои деньги за тур, потому что гид бросил ее в опасной ситуации. Ей говорят, чтобы она успокоила свои нездоровые эмоции. В ней сидит гордынька. Ее искушает лукавый. На святой земле нас ждут самые большие искушения, ибо чем ближе к свету, тем гуще тьма. Как сказал Иоанн Лествичник... Восточная Девушка не ведется на это православное бульканье и не унимается. Ей вторит Скандальная Дама. Гиды лучатся спокойствием, непогрешимостью и уверенностью, что им все сойдет с рук.

Пасха. Все хорошо. Никто не утонул в Иордане, не забыт в ночном Иерусалиме, не раздавлен толпой и даже не остался голодным. Это далеко за гранью любых разумных вероятностей. Чудо. Если кому-то нужно доказательство, что Бог есть, то вот оно.

Светлый понедельник. Обиженные за наезды, гид и отец Атеист задумали мстюльку. Сказали группе встать в 5 утра и идти на службу в храм Рождества. Сами они и приближенные к ним особы остались спать, нас повел кроткий отец Простак. В храме никого нет, на Звезде можно хоть валяться, что некоторые и делали. Где же служба? Оказывается, только в 8 часов. Получается, что для службы мы пришли слишком рано, а на Причастие все равно не попадем, потому что в 9 уже надо выезжать на аудиенцию к иерусалимскому патриарху.

Группа бежит в отель разбираться с отцом Атеистом, тот не берет трубку и затаился в номере. Тут взорвалась даже та часть группы, которая всегда вела себя тихо. Отца Простака прижали к стене с воплями: «Вы понимаете, что важнее Причастия для христианина ничего нет? Вы за наших или за белых?» Несчастный батюшка хочет провалиться, раствориться и исчезнуть, но до таких скиллов Амвросия Оптинского он пока не дорос.

Скандалисты гоняются за гидами, дозваниваются я уж не знаю куда и дожимают вопрос. Мы идем на Причастие. Некоторые, впрочем, уже успели что-то съесть, по поводу чего опять стоит ор про измену и предательство. Отец Простак пытается миротворить. Предполагает, что Господь послал испытание и на Причастие попали только самые стойкие. Натолкнувшись на взгляд этих стойких, замолкает и сворачивает тему.

Греческая служба в пещере Рождества прекрасна, все причастились и летят в отель на крыльях. Всем велено позавтракать в темпе вальса и бежать. Как назло, Православного Мужа после службы вштырило очередной порцией высоких идей. Намазал нутеллой тост и вещает, вещает. Женушка вожденно смотрит на йогурт и пытается найти в потоке мыслей щелочку, куда можно вставить намёк про еду, но тщетно. Мысли одна другой сакральнее, перебивать кощунственно.

С таким темпом сборов, опаздываем с выездом на 2 часа. Патриарх уходит. А он, ни много ни мало, должен был дать каждому по благословленному яйцу. Ну, фиг с ними, яйцами, их и так в каждом монастыре дают, всю сумку изнутри уже покрасили. А за благословение обидно. Впрочем, потом патриарх все равно к нам вышел и всех благословил, пусть и оптом. Греческие батюшки зе бест!

Отец Атеист врет, что вся эта неразбериха с утренней службой была Божьим Промыслом и мы сами, без разрешения гидов, могли бы принять решение

остаться на Причастие, не дети же. Представляю, как бы он на этоотреагировал в реале... Интересно, он хоть когда-нибудь говорит правду или навыв атрофировался окончательно? Надо как-то спровоцировать его, чтоб высунул язык. Думаю, он раздвоенный.

Красивая фаворитка отца Атеиста затевает контрреволюцию. Заручившись поддержкой двух своих пажей, Быдлоалкаша и Неудачника В Отчаянии, она орет на всех, доказывая, что группа всем довольна. Люди отодвигаются от нее и неопределенно кивают. Я отвечаю ей, что не нанималась быть тут с кем-то общиной, не собираюсь сообщать ей свое мнение и буду решать вопрос с паломническим центром, с которым я заключала денежный договор. Судя по выражению лица фаворитки, такой ход мысли вне понимания ее мозга. Видимо, для нее любой, кто стал с ней рядом — уже член общины.

Быдлоалкаш произносит от имени группы покаянную речь, свита извивается со сладострастием бывалых бдсмщиков, обвиняя правых и оправдывая виновных. Бдсм-коммуникации в церкви обычны, это как бы входит в пакет услуг, предоставляемых РПЦ. Если смотреть на альтернативные предложения по рынку, получается даже дешево. Я толерантно отношусь к любым извращениям, совершеннолетние могут решать за себя, но, когда в их игрища втягивают меня... Тут я в большом возраже.

Оппозиционная часть группы продолжает скандалить. Похоже, гиды не готовы общаться с людьми, которые считают, что священник — это работа, которую человек обязан выполнять, а не талончик на получение власти над людьми. Фрекен жалуется фаворитке со свитой: ну почему ЭТИ не могут, как НОРМАЛЬНЫЕ люди, просто молчать? Им же всего лишь хамят, их всего лишь кидают, в чем проблема-то? Почему они не кивают в ответ на псевдодуховную ахинею, которой гиды покрывают свои косяки? Почему им не вышибает мозги при словосочетании «батюшка благословил»? То ли дураки, то ли сумасшедшие. Свита приходит к выводу, что дело в нашей национальности.

Переезжаем через границу палестинской автономии. Фрекен снова научает нас врать полиции. «Не упоминайте, что вы жили на палестинской территории. Говорите, что в Иерусалиме». Что отвечать, если вдруг зададут вопрос «где именно?», она не уточняет. Похоже, эта мадам Подстава не заснет спокойно, пока мы не окажемся в кутузке.

Греческий монастырь св. Мелании. На приветствие «Христос анести» отвечаю: «Воистину анести». Ох. Надо выучить, как правильно. А то в прошлый раз ответила мусульманке на «Happy Easter» — «И вам Happy Easter». Надо что-то делать со своей космополитической безграмотностью. Фрекен на английском типа незаметно жалуется настоятельнице на неблагодарность группы. Она, мол, к нам со всей душой, а от нас и спасибо не дожدهшься. Ну, если не учитывать гадости, она и правда неплоха. Рассказывает интересно, артистично. Может, я и правда нагнетаю?..

Спускаемся в подземную келью. Гид со смехом рассказывает историю, как когда-то одна женщина осталась в келье помолиться, ее заперли и забыли. А потом, когда уже далеко ушли, спохватились. Хорошо, что не через год. Всех потерявшихся по умолчанию считают убежавшими на нелегальную работу в Израиле. Куда они делись, заблудились или попали в беду, никто выяснять не собирается. Хорошо, если вспомнят хотя бы приблизительно, где человек исчез. То есть, если кого-то запрут в келье, а следующие туристы, так сложится, придут только через неделю, то... Такой запредельный уровень безответственности превосходит мое воображение. Жалость к гиду испаряется.

Тверия. Храм 12 апостолов. Атмосфера такая, что даже батя Атеист стал подавать признаки веры. В его манерном пении появились настоящие эмоции. Атеистам в этом храме надо держать ухо востро, чуть зазеваешься — и уже веру обрел. Отец Простак загоняет на дерево павлина. Группа с разбегу влетает в море. Благодать.

Светлый вторник. Храм Благовещения. Отец Простак решил завести со мной просветительскую беседу про Иоанна Шанхайского. Говорит с придыханием: «После его смерти с ним 6 дней прощались и все это время от него шло только благоухание». Я нет бы сказать «оооо» и закатить глаза, так нет, сдуру залопотала что-то про Иоанна Максимовича, который мне действительно интересен. Услышав экскурс в историю, батюшка испугался и убежал.

Вот зачем я так с ним? Стыдно. Никак не могу привыкнуть к реакции батюшек на то, что я не только прикладываюсь к изображениям святых, но и читаю их сочинения. Отец Простак хороший, я все паломничество за ним бегала. Мне категорически не хотелось, чтобы, к примеру, в Иордан меня окунал атеист. Это трешово даже для меня, ко всему привыкшей.

По дороге в аэропорт отец Атеист вальяжно хвастается, как отдыхает со своими 6 детьми в Нетании. Сравнивает с другими курортами. Кипр, Греция... Он ездит по святым землям каждый месяц. Всем понятно, что он устроился в жизни лучше некуда. Еще бы. У него свой паломнический центр. Вот и сидел бы в нем, какого он лезет к нашему? У него 5 тысяч френдов в фейсбуке, неужели не смог группу набрать? Несмотря на приторные отзывы на его сайте?

Отлет на родину. Фрекен учит врать израильским пограничникам, что мы летим поодиночке. Раболепная Бабуся тащит через таможню какую-то пальму. Супруги Скандалисты путаются в 20 сумках со святынями и ищут компанию, с кем прямо тут распить вино, которое не влезло в багаж. Отец Простак молится за благополучный перелет. Видавшая Виды Тетя важно поучает молодняк, что чудесный результат паломничества будет не сразу, а месяца через три, уж она-то Божьи Промыслы вдоль и поперек изучила. Я к ним всем так привыкла, что расставаться не хочется.

В общем и целом паломничество удалось. Очень не советовала бы ехать в такой тур неверующим. Без Божьего заступничества там не выжить.

З.Ы. На самом деле, не все так плохо. Паломническая программа выполнена, а присутствие хоть одного верующего батюшки считаю удачей. Когда я приехала на родину и пошла разбираться с организаторами тура, там пришли в ужас от моего рассказа. Сказали, что заменили бы гида в первый же день и пообещали, что больше этих артистов-аферистов никогда приглашать не будут.

Оппозиционный православный сайт «Ахилла»

Священник-атеист: В Церкви нет веры! Все притворяются!

Верующий священник 1: Я не притворяюсь!

Верующий священник 2: И я.

Священник-атеист: Брехня. Чем докажете, что не притворяетесь?

Верующий священник 1: А ты чем докажешь, что притворяемся?

Священник-атеист: Я экстраполирую свой опыт.

Верующий священник 2: По той же логике мы можем сказать, что ты притворяешься атеистом.

Редактор сайта: Ребята, брейк.

Привередливый прихожанин: В Церкви плохо то, плохо сё, а ещё это и вот это. Если б она сверкала и лучилась, а ещё давала ответы на все вопросы, я б, может, и поверил в Бога. Так и быть. Ну попрыгайте, поугovarивайте меня, а я буду крутить носиком. Что мне искать в Церкви?

Священник 1: Не убегай, о драгоценный прихожанин, ща мы тебе выдадим новую красивую Церковь. Эту сожжём и из пепла слепим совершенство. Всё ради тебя. Жди.

Священник 2: Прихожанин, ты думал, тебе дорогу в Царство Небесное коврами устилать будут? Лепестками розовыми? Ну-ну. Царство Божие — это ценность, за которую можно всё отдать, а не манная кашка, которую тебя будут уговаривать съесть.

Робкий голос 1: Я услышал вопрос «Что искать в Церкви?» и хочу на него ответить. Я нашёл Бога. Христос — это не романтик-альтруист, это действительно Господь и Спаситель. Не в метафорическом смысле, в буквальном.

Завсегдатаи сайта: Кто пустил сюда этого городского сумасшедшего? Здесь собрались взрослые здравомыслящие люди. Давайте лучше поговорим о разврате!

Все: Давайте!!!

Редактор сайта: О, ща рейтинг как скаканёт!

Прихожанка 1: Ко мне приставал священник. Прямо на исповеди предложил. Представляете?

Хористка: Я сама приставала к священнику. Не повёлся. Говорили, тут разврат. Ну и где? Я что, зря шла в церковный хор?

Неприступный священник: Я тут как на каторге. Беспредел, произвол, интриги, отрицательный баланс по баблу, семеро по лавкам... У меня ещё и о хористках должна голова болеть? Увольте.

Прихожанка 3: Все они такие, вечно у них голова болит. Они только для платонической любви годятся. Помню, влюбилась в молодого красивого батюшку, а на исповеди пересказывала свои чувства старому некрасивому батюшке. Круговорот греха в природе.

Прихожанка 4: Ты не шаришь, влюбляться в монахов надо, они не такие затурканные. Я три года роман крутила. Ой бабоньки, така любовь, така любовь...

Развратные прихожанки: Ну ты крутааая... Зааавидно...

Робкий голос 2: Как-то я размышлял о бренности сущего и, погрузившись в свою душу, встретился с Молчанием Бога...

Завсегдатаи сайта: Опять?! Общественность выражает недоумение. Как редакция выбирает материалы для публикации? Мы, конечно, тактичные люди, христиане и даже православные, то есть особо породистые христиане, мы его не обидим. Но... зачем вынуждать нас читать ЭТО?.. Давайте лучше поговорим о тирании.

Все: Давайте!!!

Редактор сайта: Ох, что сейчас начнётся... Как бы сайт не лёг...

Священник 1: Мне сформировали график служб 48 часов в сутки. Человек не может столько времени стоять на ногах! Я заболел.

Священник 2: Мой знакомый монах от того же режима сошёл с ума.

Священник 3: Фаворит архиерея отобрал у меня приход.

Священник 4: Меня послали в Чечню. Подробности нужны?

Священник 5: У меня нет ни храма, ни прихожан, меня оставили на хозрасчёте, кругом враждебно настроенные папуасы. Этачёваще?

Священник 6: А ты хотел всё на блюдечке? Ты хочешь служить Господу или прохлаждаться? Смирись, молись и самостоятельно разгребай все вопросы. В Церкви всё в порядке, а такие обиженные лентяи, как ты, сами во всем виноваты. Вот у меня всё хорошо, меня все любят, мой приход блестит, мой блог в топе, хотя там 5 френдов и 3 комментария.

Священник 7: У тебя дядя митрополит.

Священник 6: И что? Это как-то умаляет мои личные достоинства?

Семинарист 1: Меня всё это ждёт?! Ой мамочки... Я не знал, что всё так плохо. Выпустите меня отсюда!

Семинарист 2: Stop panic, братишка. Переспи с архиереем, напиши донос на товарища по комнате, и всё будет.

Семинарист 1: Думаешь?

Семинарист 3: Ты на полном серьёзе это спросил?! А как же душа? А как же высокие идеалы? Ты ради этого хотел стать священником?

Завседатаи сайта: Уважаемый редактор сайта! Кажется, городской сумасшедший перерегистрировался под другим ником. Просьба принять меры.

Семинарист 1: Не волнуйтесь, я уже пишу на него донос.

Завседатаи сайта: Премного благодарны. Вернёмся к обсуждению нормальных тем. Как насчёт сектантства?

Беглая прихожанка: Это вы про наш приход. Постоянный контроль, культивация чувства вины, стукачество, чтение молитв на износ, немотивированный отказ в Таинствах, запрет на посещение других храмов...

Хористка: Домогательства были?

Беглая прихожанка: Нет. Чего нет, того нет.

Хористка: Вот блин.

Редактор сайта: Так да, как-то туговато с жареным материальчиком. Про сексуальное насилие совсем ничего нет. Похоже, Церковь хоть в чём-то достигла святости.

Монахиня 1: Про секс больше разговоров, чем дела. Меня за каждый взгляд на сестру обвиняли в лесбийских намерениях. Да у меня в жизни таких мыслей не было! Но когда каждый день подозревать начали, появились...

Монахиня 2: Я думала, иду в монастырь духовно двигаться, а меня заставили круглосуточно мыть посуду. Фигасе духовная практика.

Монахиня 3: Что такое духовная практика?

Монах 1: Матюк какой-то. Молитвы эти все, посты, исповеди, ограничения... Зачем нужна эта хрень? Я это всё выполнял, никакого результата не достиг, а каким он должен быть, кстати, может, кто знает? В общем, я понял, что это лажа, и стал агностиком.

Монах 2: Та же ботва. У меня и так веры было с гулькин нос, в монастыре растерял и ту, что была.

Редактор сайта: Верующие монахи на сайте есть?

Монах 3: Нет их на сайте, они заняты духовными практиками, про которые мы не понимаем, что это такое и зачем оно. А они оторваться не могут и

утверждают, что тащатся и духовно растут. Странные люди, они сюда не придут. Тут только такие монахи-профанаторы, как мы.

Робкий голос 3: Я могу попытаться объяснить вам, чего можно достичь духовными практиками. Они не самоцель. Вот я с их помощью...

Завседатаи сайта: Уважаемый семинарист-подонок, вы что, ещё не дописали донос на этого святого? Потрудитесь писать быстрее.

Семинарист 1: Эй-эй, притормозите. Я тружусь во славу Божию, а вы меня шпыняете так, будто мне платите.

Завседатаи сайта: Окей, мы поставились на место. Если ты ламер в стукачестве и ничего скреативить не можешь, так мы можем помочь, поделиться опытом. Этот святой нас уже поддостал, вечно сбивает нам нормальные темы. Давайте лучше поговорим о деньгах.

Все: Давайте!!!

Редактор сайта: Какая машина у вашего настоятеля?

Священник 1: У моего рено.

Священник 2: У моего мерседес.

Священник 3: Мой архиерей недавно инкрустировал колёса своего крузера бриллиантами, а у меня зарплата 30 тысяч рублей и четверо детей.

Беглая прихожанка: Я плачу за бриллианты в колёсах? А потом удивляются, что люди не хотят в Церковь.

Священник 4: Ремарочка: ты, как прихожанка, — тоже Церковь. Если ты недовольна, ты тоже должна «что-то» делать. Кстати, что? Идеи есть?

Прокачанный прихожанин: Можно начать с себя. Любить друг друга.

Священник 5: Идея, конечно, нова и оригинальна... Мы это и так делаем. Почему-то это не очень работает. Чуть-чуть работает, но недостаточно, чтобы переломить ситуацию.

Священник 6: Мы тут по кухням бесконечно обсуждаем, а воз и ныне там. Эти архиереи с брильянтами испортят нашу репутацию до такой степени, что нас на вилы поднимут. Надо объединяться! Надо бороться с Системой! Мы должны протестовать, а то с вил бороться будет поздно.

Завседатаи сайта: Ох... А те городские сумасшедшие были ещё ничего... Никто случайно не слышал Глас Божий? Может, хочет рассказать?